

В.М. Кириллин
ГРОБ ГОСПОДЕНЬ
ГЛАЗАМИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАЛОМНИКОВ XII–XVII ВВ.

Аннотация: В статье рассмотрены описания Кувуклии, главного христианского мемориала, которые содержатся в древнерусских путевых записках, составленных русскими паломниками, побывавшими в Иерусалиме с XII по XVII вв. Сопоставление этих описаний друг с другом, а также отчасти с аналогичными описаниями греческих богомольцев и западных пилигримов вскрывает специфику отношения к описываемой священной реликвии со стороны русских путников как наблюдателей и рассказчиков. Последние с разной полнотой и степенью внимания к частностям, но методично стремились создать в воображении своих читателей наглядный образ Кувуклии, выработать у них более или менее четкое, предметно детализированное представление о ней, оставаясь в пределах исключительно делового в стилистическом плане дискурса, нисколько не отражающего духовно-эмоциональных переживаний и эстетических впечатлений, которые вполне могли окрасить их восприятие в момент непосредственного приобщения к святыне. Соответственно, точно таким же сдержанно деловым характером были обусловлены и цели их апелляции к читателям как словесной презентации конкретного предметного явления в Святой земле без какой-либо экспрессии по его поводу, вероятно считавшейся излишней. Вместе с тем при сопоставлении текстов обнаруживается, что выражение «гроб Господень» изначально на широком речевом пространстве Средневековья употреблявшееся многозначно, постепенно обретает все более конкретный смысл, что, несомненно, является рефлексом определенного речевого развития.

Ключевые слова: хождение, итинерарий, проскинитарий, игумен Даниил, архимандрит Агрефений, псевдо-Игнатий Смольнянин, инок Зосима, священноинок Варсонофий, гость Василий, купец Василий Позняков, дяк Трифон Коробейников, купец Василий Гагара, иеромонах Арсений Суханов, иеродиакон Иона Маленький, гроб Господень, пещера погребения, Святое ложе, камень возвещения, Киворий, интерьер, экстерьер, предметный мир, параметры сакральной реальности, историческая достоверность.

Vladimir M. Kirillin

HOLY SEPULCHRE THROUGH THE EYES OF OLD RUSSIAN PILGRIMS OF THE 12TH–17TH CENTURIES

Abstract: The article considers the descriptions of Kuvuklion, the main Christian memorial, which are contained in Old Russian travel notes compiled by Russian pilgrims who visited Jerusalem from the 12th to the 17th centuries. The comparison of these descriptions with each other, as well as partly with similar descriptions of Greek pilgrims and Western pilgrims, reveals the specifics of attitude of Russian travelers as observers and storytellers to the described holy relic. The latter, with varying completeness and degree of attention to particulars, but methodically sought to create a visual image of the Kuvuklia in the imagination of their readers, to develop a more or less clear, objectively detailed idea of it, remaining in the exclusively business discourse in stylistic terms, which in no way reflects spiritual and emotional experiences and aesthetic impressions, which could well color their perception at the moment of direct communion with shrine. Accordingly, the goals of their appeal to readers as a verbal presentation of a specific subject phenomenon in the Holy Land without any expression about it, which was probably considered superfluous, were determined by the same restrained business nature. At the same time, when comparing the texts, it is found that the expression “Holy Sepulcher” was originally used polysemically in the wide speech space of Middle Ages, gradually acquires a more specific meaning, which is undoubtedly a reflex of a certain speech development.

Keywords: Old Russian traveling, itinerary, proskinitarian, abbot Daniel, Archimandrite Agrefenius, pseudo-Ignatius Smolnyanin, monk Zosima, priest Varsonofy, guest Vasily, merchant Vasily Poznyakov, deacon Trifon Korobeynikov, merchant Vasily Ga-gara, hieromonk Arseny Sukhanov, hierodeacon Jonah the Little, Holy Sepulchre, burial cave, Holy Bed, stone proclamations, Kivoriy, interior, exterior, object world, parameters of sacred reality, historical authenticity.

Окружающий мир издревле был открыт для русского общества. Издавна русичи, если не иметь в виду их военные походы, совершали поездки в разные страны, причем с разными целями: дипломатическими, коммерческими, религиозными. И особенно они интересовались историческими достопримечательностями и святынями. Краткие или развернутые свидетельства о благочестивых путешествиях сохранены некоторыми правовыми документами, летописями, житиями, специальными повествованиями [11, с. 287–288]. Естествен-

но, чаще всего подобные свидетельства были сопряжены с Палестиной — землей обетованной для древних евреев, согласно Ветхому Завету, и местом проповеди Иисуса Христа для всего человечества, согласно Новому Завету. Многие русские боголюбцы, побывав здесь, описывали то, что им довелось увидеть.

Соответственно, литература «хожений» (и не только в Святую землю) была весьма востребована среди читателей Древней Руси и начиная с первого сочинения на эту тему, созданного около 1108 г. «игуменом Русской земли» Даниилом, все время, из века в век, пополнялась вплоть до XVII столетия [18, р. 1–54; 6; 4; 9]. В рамках древнерусской книжной традиции сложилась даже группа текстов — весьма значительная количественно и устойчивая в жанрово-тематическом и содержательно-повествовательном планах [30; 28]. И любопытно, что сами эти тексты, хоть и создавались с учетом некоего литературного обычая, вероятно на Руси вполне самостоятельно выработанного, обнаруживают чаще всего независимость их авторов друг от друга. Иначе говоря, создатели русских хождений хоть и могли использовать предшествующий опыт, но всякий раз, за редчайшим исключением, составляли свои записки, основываясь исключительно на собственных впечатлениях и оформляли их в зависимости от только реально ими увиденного и услышанного, от степени только своей осведомленности и веры и только своего понимания, образованности и нарративного дара. При этом нельзя не признать, что с древности известные в христианской средневековой письменности произведения в роде путевых заметок о святых местах — латинские итинерарии [25; 58; 34] и греческие проскинитарии [44; 23; 57] — в общем, несомненно, повлияли на формирование древнерусских хождений, но как, в какой степени и чем именно — это в сущности еще мало исследовано [5; 1; 8, с. 364–369].

В плане литературного качества, если оценивать, например, стилистику или образную насыщенность, повествования о путешествиях обычно просты, лишены каких-то ярких элементов художественной изобразительности, эмфатической организации повествования и даже нередко языковой правильности. Во всяком случае характерный для них нарратив, как представляется, структурно-стилистически более близок к живой речи и далек от книжной природы стилистики и образного построения, например, славяно-русских агиографиче-

ских, гимнографических или панегирических произведений. Даже манера летописного повествования была, несомненно, более изящна и выразительна. И все же хождения соответствуют определенному культурно-историческому состоянию того или иного локуса в то или иное время, а также присущему их авторам умению видеть, слышать и рассказывать. Именно этим и интересны данные литературные свидетельства.

Даже при поверхностном взгляде на тексты сохранившихся древнерусских хождений XII–XVII вв., в частности в Святую землю (игумена Даниила, архимандрита Агрефения, псевдо-Игнатия Смольнянина, инока Зосимы, священноинока Варсонофия, гостя Василия, купца Василия Познякова, дьяка Трифона Коробейникова, купца Василия Гагары, иеромонаха Арсения Суханова, иеродиакона Ионы Маленького), заметно, что они отображают разный порядок и географию осмотра палестинских святынь. Однако все паломники без исключений бывали в Иерусалиме и непременно посещали храм Воскресения Христова ради молитвенного поклонения тому месту, где некогда после крестной смерти был погребен и оставался до Своего Воскресения Спаситель, и все они так или иначе описывали это святое место. Сравнение сохранившихся описаний о многом говорит.

Но сначала несколько исторических фактов.

Как известно, распятие Христово осуществлено было за пределами Иерусалима, на горе Голгофе. Но еще до этой трагедии там же, в одной из скал, Иосиф Аримафейский устроил для себя, согласно древнееврейскому обычаю, погребальную пещеру. Она и послужила юдолью упокоения убиенного Спасителя и алтарем Его Воскресения (Мф. 27: 57–60, 28: 1–7; Мк. 15: 42–46, 16: 1–6; Лк. 23: 50–55, 24: 1–9; Ин. 19: 38–42, 20: 1–17). Первые христиане чтили эту святую могилу. Однако во II в., при римском императоре Адриане, здесь были возведены два языческих храма, в честь Венеры и в честь Юпитера. Тем не менее дорогая для христиан агиасма забыта не была. В 325–326 гг. иерусалимский епископ Макарий с разрешения римского императора Константина Великого и при непосредственном участии матери последнего Елены, уничтожив капища язычников, произвел здесь тщательные раскопки. В результате были найдены и место распятия, и крест, на котором Христос претерпел смертные муки, и погребальная пещера с каменной полкой для тела усопшего, и камень, которым

эта пещера была прикрыта и на котором затем, отвалив его, сидел Ангел, возвестивший женам-мироносицам о воскресении Сына Божия. Примерно к середине IV в. для сохранения этих святынь там, где их обрели, был возведен храм Воскресения Христова (Анастасис) в виде ротонды, которая колоннадой окружала погребальную пещеру со Святым ложем и камень Ангела, или камень возвещения. Тогда же возникло первое здание Кувуклии (греч. Κουβούκλιον — «покой, опочивальня»), или эдикулы (лат. Aedicula — «комнатка»). Изначально оно состояло из двух частей: камень возвещения оказался внутри портика из четырех колонн под двускатной крышей (придел Ангела), примыкавшего к скале пещеры со стороны входа в нее; последняя в свою очередь была декорирована мраморными плитами и пятью колоннами под шатровой крышей с крестом (часовня Гроба Господня). Вероятно, в таком виде Кувуклия простояла до 614 г., когда вместе с ротондой ее полностью разрушили персы. Но уже в следующем году оба сооружения были восстановлены. Новое уничтожение Кувуклии и храма Воскресения произошло в 1009 г. по приказу фатимидского халифа Абу Али Мансура ибн аль-Азиза аль-Хакима Биамриллаха, однако спустя несколько лет на средства византийских цесарей и паломников была начата реставрация всего архитектурного ансамбля, закончившаяся при императоре Константине Мономахе в 1048 г. Возможно, именно тогда часовня Гроба обрела шестигранную форму. В самом начале XII в. у западной стены часовни появится пристройка, которая в конце 30-х гг. XVI в. станет коптским приделом; вместе с тем Святое ложе внутри погребальной пещеры, ввиду стремления паломников откалывать от него кусочки, будет закрыто резными плитами сверху и по фасаду (экран-трансenna) и над часовней Гроба возвысится на колоннах купол — киворий; наконец, позднее перед входом в Кувуклию с восточной стороны появятся скамьи. В том же XII столетии, на его исходе, крестоносцы окружили Анастасис с Кувуклией несколькими мемориальными приделами, объединив их под общей кровлей. В 1244 г. Иерусалим был совершенно разрушен хорезмийцами, наемниками египетского султана Ас-Салиха Наджи ад-Дина Айюба ибн Мухаммада, и перестал быть христианским городом [16, с. 265–266; 3, с. 91], вместе с тем и Кувуклия оказалась в плачевном состоянии. Хотя поток паломников в Палестину не прекращался, до середины XVI в. его внешнее и вну-

треннее устройство менялось лишь в деталях, общий же план сооружения оставался прежним. Реставрации 1555 и затем 1810 гг. (соответственно, осуществленные францисканцем Бонифацием Рагузским и греческим архитектором Николаем Комниносом) тоже его сохранили, но снаружи Кувуклия после них заметно изменилась [22; 21].

Разумеется, со времени возведения храма Воскресения Господня и Кувуклии над пещерой погребения распятого Христа неисчислимое множество Его последователей поклонялось этому святому месту [32]. И когда Русь приобщилась к новой вере, естественно, новые христиане тоже стали стремиться сюда [18; 6], так что знаменитый игумен Даниил, прибывший в Святую землю около 1106 г., был не первым русичем, кто приобщился к святыням Палестины. Но он стал первым в рамках истории русской литературы, кто подробно поведал о своем долгом путешествии [18, р. 1–5; 6, с. 89–105; 12, с. 27–64], проявив при этом удивительную пытливость, наблюдательность и скрупулезность очевидца и описателя святых мест, хотя иной раз и довольно неуклюжего как рассказчик. Вот, например, его свидетельство о Гробе Господнем, содержащееся в главке «О церкви Воскресения Господня»:

Есть церкви Воскресения Господня, всяка образом кругло создана <...> Верх же церковный не до конца сведен камением <...> Под тым самым верхом непокрытым гроб Господень (1). Есть же сие гроб Господень (2): яко пещерка мала у камени сечена, дверци имущи малы, яко может человек влести на колону, поклонься, возвыше ж есть мала, всямокачна, 4 локот и в длину и в ширину. И яко влезуче в пещерку ту дверцами малыми и на десней руце есть яко лавица засечена в том же камени пещернем и на той лавице лежа тело Господа нашего Иисуса Христа. Есть ныне лавица та святая покрыта досками мраморяными. Суть на стране проделана оконца 3 круга и теми оконци видится святыи ть камень и туде целуют вси христьяне. Висит же в гробе Господни (2) 5 кадил великих с маслом и горят беспрестани кандила свята день и ночь. Лавица же та святаа, идеже лежало тело Христово, есть в длину 4 локот, а в ширину 2 лакти, а возвыше полулакты. И пред дверми пещерными предлежит камень, треи стоп вдале от дверец тех пещерных; на том камени ангел сядя явился женам и благовести има воскресение Христово. Есть пещерка та святаа оделана около красным мрамором, яко имен [амбон], и столпци около мрамором крас-

ным стоять, числом 12. Верху же над пещеркою сделан яко теремец красен на столпех, верху кругл и сребрены чешюями позлащенными покован; и на верх того теремца стоит Христос, сделан сребром яко в мужа более, и то суть фрязи сделали. И ныне есть под самым верхом тем непокрытым суть двери 3-и у теремца того учинени хитро яко и решето [решеткою] кресъци. И теми дверми влазят людие къ гробу Господню (3). Да то есть гроб Господень (2) был пещерка та, яко же то сказах, испытах добре от сущих ту издавна и ведущих поистине вся та святаа места [30, с. 33; 27, с. 9–10].

Прежде всего, должно подчеркнуть, что свидетельство Даниила фиксирует то состояние Кувуклии, в котором она пребывала во время первого, основанного крестоносцами Иерусалимского королевства в Палестине [13] и спустя около шести десятков лет после ее восстановления при Константине Мономахе. К описанию этого сакрального сооружения Даниил переходит после рассказа о внутреннем устройении храма-ротонды, посвященного Воскресению Христову. Ему важно обозначить местоположение Кувуклии: внутри ротонды под самым ее открытым верхом (окулосом, от лат. *oculus* — взор, зрение, глазок). При этом Даниил пользуется термином «Гроб Господень» в трех его значениях: в широком, применительно к Кувуклии в целом (1), узком, по отношению к часовне, или пещере Гроба (2), и еще более узком, называя так конкретно Святое ложе (3). И рассказ Даниила несколько сбивчив: не от общего к частному, а от частного к общему, но с тематической модуляцией, вероятно в соответствии со степенью важности предмета описания для него самого. Поэтому сначала он характеризует именно пещеру погребения, отметив ее материал («у [в] камени сечена») и размеры входа в нее («4 лакот и в длину и в ширину»). Далее описывается внутреннее устройство пещеры: справа внутри пещеры находится «лавица», а именно (согласно весьма обобщенно данному историческому пояснению) то самое высеченное из камня место, на котором некогда лежало тело усопшего Спасителя. Даниил сообщает и важные детали: высоту, ширину и длину этого Святого ложа, а также то, что оно было закрыто мраморными плитами, что у боковой плиты («на стране») имелись три отверстия, через которые можно было видеть и даже прикоснуться к нему, и что над ним повешены пять неугасимых ламбад («кадил»). Между прочим, в другой главке

«Хождения» («О свете небеснем, како сходит ко Гробу Господню») поясняется, что это — латинские лампы («фряжская кандила») и что помимо них еще на плите, прикрывающей Святое ложе, обычно ставили две лампы — греческую и от всех палестинских монастырей, к которым Даниил добавил в канун Пасхи и лампаду от всей Русской земли [27, с. 61].

Рассказав об интерьере погребальной пещеры, Даниил затем описывает внутреннее пространство придела Ангела, но не называет его так: во-первых, здесь перед входом в пещеру погребения на удалении в три стопы от него лежит камень, — какие-либо уточняющие детали при этом отсутствуют, но зато евангельская история камня преподана подробно: оказывается, именно на нем некогда сидя Ангел сообщил женщинам, принесшим мир для умащения тела усопшего Христа, о Его Воскресении; во-вторых, вход в пещеру декорирован дверцами, а стена вокруг него покрыта красным мрамором. По мнению рассказчика, так отделяли амвоны, т. е. в древности некие возвышения посреди храма с пюпитром для возглашения Апостола, Евангелия, ектений и других богослужебных текстов. Эта мысль, облеченная в форму сравнения, важна, поскольку, отражает историческую литургическую реальность, согласно которой амвоны как раз и символизировали собой камень ангельского возвещения о Воскресении Христовом, тогда как алтари знаменовали Святое ложе, на котором Спаситель нашел Свое последнее упокоевание; кроме того, она, надо полагать, указывает на то, что Даниил как раз так и воспринимал внутреннее двучастное устройство Кувуклии.

Продолжая свое описание, русский паломник также утверждает, что и снаружи часовня Гроба Господня («пещерка») была отделана таким же красным мрамором и вместе с тем окружена двенадцатью колоннами, тоже красными и мраморными. Он, однако, не уточняет, как композиционно эти колонны были распределены. Тем не менее, поскольку, согласно другим источникам, часовня Гроба была шестигранной в плане, очевидно, что колонн было по две на каждый угол, так что внутри придела Ангела, возможно, вход в пещеру погребения обрамлялся двумя колоннами, а извне часовня Гроба выглядела окруженной десятью колоннами.

В завершение своего описания Даниил рассказывает о том, как внешне выглядит Кувуклия. И вновь он двойственным образом

использует термин «теремец», привнеся в свое свидетельство некоторую неясность. Сначала этот термин он употребляет по отношению к сооружению над часовней Гроба в виде кивория, т. е. утвержденного на колоннах (число коих не указано) куполообразного навеса, покрытого позолоченными серебряными пластинами («чешуями») и увенчанного серебряной скульптурой Христа в рост выше человеческого, латинского изготовления. Кроме этого, термин «теремец» применен как будто и к самой Кувуклии, ибо упомянутые Даниилом три решетчатые двери для входа и выхода к Гробу Господню (в данном случае имелось в виду уже Святое ложе) могли быть только в ней: это — дверь восточная в придел Ангела, дверь внутренняя, соединяющая придел Ангела с пещерой Гроба, и дверь западная в придельчик, пристроенный к часовне Гроба с западной стороны, о котором, что примечательно, Даниил не говорит ни слова, хотя в его время он уже был. Почему-то эта архитектурная и ритуальная деталь Кувуклии совсем не заинтересовала повествователя.

Как можно заключить, Даниил довольно точно описывает сооружение над местом, прославленным исполнением обетования Христова о Его воскресении после смерти, хотя у читателя данного паломнического рассказа — по причине авторского семантически неустойчивого использования терминов, — скорее всего, могло возникнуть лишь не вполне определенное, несколько расплывчатое представление о нем. И все же данное свидетельство отражает то, что очевидцу этой святыни было важно: ее расположение и внешний вид, интерьерные особенности пещеры погребения и часовни Ангела (включая измерительные характеристики), а также их историческая достоверность, соответствующая евангельским свидетельствам. Указывает текст Даниила и на его довольно крепкое умение составлять словесный портрет явлений предметного мира.

Между прочим, с рассказом Даниила знаменательно контрастирует сохранившийся в рукописи начала XVI в. рассказ неизвестного греческого паломника, побывавшего в Святой земле спустя почти пятьдесят лет после Даниила. Привожу его в переводе на русский язык:

15. Καὶ εἰς τὴν μέσσην Ἱερουσαλὴμ ἐστὶν ὁ Τάφος τοῦ χορίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἰδοὺ ναὸς μέγας <...> 18. Ἐκεῖ πλησίον ἐστὶν ὁ Τάφος τοῦ Χριστοῦ. Ἐκεῖ ἐστὶν ὁ λίθος ὅπου ἐκάθισεν ὁ ἄγγελος καὶ ἔβλεπεν τὸν τοῦ Χριστοῦ τάφον. Ἐκεῖ κρέμανται ἄνωθεν κανδήλες ἰδ' καὶ ἅπτουσι νύκτα καὶ ἡμέραν. Ἔστι δὲ ὁ τάφος τοῦ δεσπότου Χριστοῦ πεφυλαγμένος γύρωθεν. Ἔστι δὲ θόλος σκεπασμένος, καὶ εἰσὶν κίονια ἑπτὰ βασιτάζοντες αὐτόν ἐν γὰρ τῷ δεσποτικῷ τάφῳ δύο θύραι ἀνοίγονται ἢ μία ἐστὶ καθολικὴ καὶ [ἡ] ἄλλη [όπου] ἐκάθητον εἰς τὸν λίθον ὁ ἄγγελος. Ὁ δὲ θόλος ὁ καθολικὸς εἶναι ἢ τρούλλα τῆς ἐκκλησίας ἔνε ἀπόσκεπος ἐπάνω... [31, с. 5, 6].	15. А в середине Иерусалима есть гроб Господа нашего Иисуса Христа (4). Вот великий храм! <...> 18. Там близко гроб Христов (2). Там камень, на котором сидел ангел и смотрел на гроб Христов (2). Там висят сверху 14 лампад, горящие ночью и днём. Гроб Господа Христа (1) стережется вокруг. Там крытый купол, поддерживаемый семью колоннами. Ибо во гроб Господень (1) отпираются две двери: одна из них главная, другая же — у которой сидел на камне ангел. Настоящий же купол — трула церковная, открытая» [31, с. 14, 15].
--	--

Разумеется, нужно сначала отметить, что и грек употребляет термин «гроб» полисемично: то по отношению ко всей церкви Воскресения Господня (4), то по отношению только к часовне, вернее пещере Гроба (2), то по отношению только к Кувуклии (1). Надо полагать, эта словоупотребительная особенность была широко распространена в Средние века. В остальном же своем рассказе он пастозен: крупные мазки его описания неярки, эскизные и бессистемны, в отличие от даниилова изложения. Из деталей он отмечает только четырнадцать лампад над Святым ложем (что указывает на происшедшие в пещере погребения изменения), наличие стражников вокруг Кувуклии (вероятно, они были и при Данииле), семь колонн кивория над часовней Гроба Господня (видимо, ошибочно, ибо, скорее всего, их было шесть) и две двери, наружную (в Кувуклию) и внутреннюю (в погребальную пещеру). Ни пространственные, ни декоративные детали грека не заинтересовали. Да и об особенностях приобщения к ней (как входили в пещеру Гроба, как поклонялись Святому ложу) он умолчал, так что главная христианская святыня и всё, что с ней связано, должны были представляться воображению греческого читателя куда более туманно и расплывчато, нежели читателю даниилова «Хождения».

Кстати, сохранилось свидетельство и некоего немецкого пилигри-ма Иоанна Вюрцбургского [56, р. IX–XII], побывавшего в Святой зем-

ле примерно на 60 лет позднее нашего Даниила и тоже оставившего рассказ о своем путешествии, — “*Descriptio terrae sanctae*” [55, р. 108–192]. В нем, в частности, содержится и описание церкви Воскресения Христова и Кувуклии:

**12. Monumentum ad
sepulchrum Domini...**
[55, р. 147–151]

**Chapter XII.
The monument at the
sepulchre of our Lord...**
[56, р. 35–38]

**Глава XII.
Памятник Гроб Господа
нашего...**

...Dispositio monumenti, in quo continetur sepulchrum Domini, fere rotundam habet formam, intus musivo opere decoratam. Patet ab oriente per introitum parvi ostioli, ante quod habet protectum fere quadratam cum duabus januis. Per unam intromittuntur ingressuri monumentum ad sepulchrum, per alteram emittuntur egressuri. In eo quoque protecto resident custodes sepulchri. Et tertium ostiolum habet versus chorum. Eidem monumento ab occidente, videlicet ad caput sepulchri, forinsecus appositum est altare cum quadam quadrata supraedificatione, cujus parietes tres de reticulis ferramenti pulchre compositis sunt, et vocatur illud altare ad sanctum sepulchrum. Idem monumentum satis amplum habet super se quasi ciborium rotundum et superius de argento coopertum, in altum elevatum versus foramen illud amplum in majori illo

...The monument which contains the Holy Sepulchre of our Lord is almost round in form, and is decorated on the inside with mosaic work. It is entered from the east through a little door, in front of which is an ante-chamber¹ of almost square shape, with two doors. Through one of these, persons entering the monument are admitted to the Sepulchre, and through the other those who are leaving it pass out. In that ante-chamber also the guardians of the Sepulchre dwell. It has also a third little door, which opens towards the choir. Outside this same monument, that is to say at the head of the Sepulchre, there is an altar with a kind of square canopy built over it, whose three walls are beautifully formed of iron lattice work, and this altar is called the altar of the Holy Sepulchre. The monument has above it a cup-like dome, the upper surface of which is covered with silver,

...Памятник (Кувуклия. — В.К.), в котором находится Гроб Господень (пещера погребения. — В.К.), имеет почти круглую форму и украшен изнутри мозаиками. В него входят с востока через маленькую дверь, перед которой находится прихожая (придел Ангела. — В.К.) почти квадратной формы с двумя дверьми. Через одну из них лица, входящие в памятник, допускаются во Гроб (пещеру погребения. — В.К.), а через другую выходят. В этой прихожей обитают и стражи Гроба Господня. Третий вход со стороны солеи (перед алтарной частью храма-ротонды. — В.К.). По отношению к нему в Гроб Господень западнее. Этот вход находится снаружи у изголовья Гроба (Святого ложа. — В.К.), <он ведет> в святилище <имеющее форму> квадратного балдахина, три стены которого красиво оформлены железной ре-

aedificio superius patulum: quod aedificium circulariter cum forma rotunda, circa monumentum satis amplum, in extremo habet continuum parietem diversis imaginibus sanctorum large depictum et ornatum pluribusque lampadibus illuminatum...¹

and which rises high in the air towards the wide space open to the sky, which is made in the larger building above it, which building being of a round form, on a circular ground plan, with a wide space all round the monument (of the Holy Sepulchre), has at its end a continuous wall adorned with painted figures of various saints on a large scale and lighted by numerous lamps...

шеткой и которое называется жертвенником Святого Гроба. Над Гробом (часовней Гроба. — В.К.) возвышается чашевидный купол покрытый серебром (Киворий. — В.К.) и вершиной своей обращенный прямо ввысь к широкому открытому верху круглого храма (ротонды. — В.К.) с большим пространством вокруг памятника (Кувуклии. — В.К.) и сплошной стеной, украшенной крупными изображениями разных святых и освещаемой множеством светильников...²

Как же явил себя в этом рассказе Иоанн? Да как-то уж очень приземленно! Ему интересными показались самые общие, причем без конкретных деталей, особенности Кувуклии: форма (почти круглая), красота (мозаики, железная решетка, серебряное покрытие) и порядок (двери входные и выходные, стражи). Кстати, отсутствие в его рассказе упоминания о статуе Христа над Киворием, о чем свидетельствовал наш Даниил, скорее всего, указывает на то, что ее там уже не было. Сакральное содержание Кувуклии оставило Иоанна совершенно равнодушным. Он не говорит ни о Святом ложе, ни о камне возвещения, ни об их священной истории, не отмечает он и неугасимых лампад в этих помещениях. Ни слова об этих духовно важных предметах. Будто он их даже и не видел, а если и видел, то никак не вдохновился увиденным. Соответственно, его не интересовали и метрические показатели. Думается, верным будет вывод, что, в отличие от Даниила, Иоанн Вюрцбургский и не ставил перед собой задачу просветить своим рассказом своих

¹ Далее следует описание храма Воскресения, внутри которого расположена Кувуклия.

² Перевод латинского текста, скорректированный по его английской версии, выполнен В.М. Кириллиным.

будущих читателей, дать их воображению точное представление о главной христианской святыне, о месте, где свершилась предвозвещенная в ветхозаветные времена победа Жизни над смертью³, и через это открыть им возможность умозрительно приобщиться к великой агиасме. Разумеется, и Данииил, судя по его тексту, тоже довольно деловит. Но его деловитость, очевидно, была совсем иной природы сравнительно с деловитостью Иоанна. Деловитость Данииила, несомненно, можно связать с его глубокой религиозностью и с его полной погруженностью непосредственно в евангельскую историю, которая, в свою очередь, обуславливала его сугубое внимание к представившемуся его взору во всей своей предметности священному объекту. Данииил, преисполненный исповеднической интенции верующего свидетеля, рассказывал о месте, которое предопределяло смысл всей христианской жизни. Тогда как Иоанн, отстранившись от религиозных чувств, описывал некое интерьерное, абсолютно лишённое духовного значения, явление внутри храма Воскресения Христова. Один явил себя соработником Церкви Христовой, другой же — лишь лицежителем христианских достопримечательностей, но при этом вовсе не святынь.

Возвращаясь к русской паломнической литературе, нужно отметить, что почти все те русичи, кто побывал в Святой земле после Данииила, в своих описаниях, в частности Кувуклии, повторяли своего знаменитого предшественника только как наблюдатели и рассказчики, т. е. не буквально, а прежде всего в таком же стремлении создать предметно наглядный образ главной иерусалимской святыни. Так же, как и Данииила, их привлекали экстерьерные и интерьерные особенности всего сооружения, историческая подлинность хранящихся в нем реликвий и ритуальные обычаи.

После Данииила, значительное время спустя, в 70-е гг. XIV в., Святую землю, когда она уже давно была отвоевана у крестоносцев мусульманами⁴, посетил другой русский монах, архимандрит Смоленского Богородичного монастыря Агрефений [18, р. 11–13; 6,

³ Например: *Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.* (Ис. 53: 10–11).

⁴ 2 октября 1187 г. Иерусалим был завоеван султаном Салах-ад-Дином [16, с. 138].

с. 175–179]. К сожалению, оставленное им описание не получило широкой известности среди русских книжников⁵, хотя оно, например в рассказе о Кувуклии, не только во многом подтверждает и дополняет свидетельства Даниила новыми деталями, но и указывает на происшедшие в ее внешнем и внутреннем облике перемены:

О Гробе Божии (1). Гроб же Господень (2) такова комара, покрыта свинцем, 6 сводов, а двенадцат столпцев тонких бела мрамора, по два вместе. Самый верх, около же гроба Божиа (2), столпов 12 ледовидна мрамора. Двери же в гроб Господень (1) с востока. Вшед в двери, на правой руци, два оконца, на левой четыре. Яковетци служат. Помость от дверей дъска зелена мрамора. И ту среди тоя комары камены(ь) повыше пяди, а въпреки больши лакти, на нем же седел ангел Господень. Ту горят два кандила, около его бел мрамор. Пред другими дверми дъска червлена мрамора. Другыи же двери без затвора, высоту до грудей, человеку наклонився внити. Гроб Господень (3), на праве руце, к стене приделан, бела мрамора, в высоту с три пяди, а в ширину 4, а в долготу 8 пядий. Ту написан Спас на площаници фряжъскы, на престоле, рука ему праваа горе обнажена, пред ним стоит Фрянцажко а около стражие спят. Ту на гробе Божии (3) 12 кадил горит цыкляных. Около же гроба Господня (1), под сводом церковным, столпов 16 великих, 8 круглых бела мрамора, а 8 4-гранных зиданых. Пред дверми гроба Господня (1) 4 столпы в своде круглы в стране, а на другой стране 4 по два вместе на едином столпе, червлена мрамора вся и на четырех столпех» [45, с. 3–4; 37, с. 139–140].

Рассказ о Кувуклии у Агрефения так же, как у Даниила, помещен в описание храма Воскресения Христова. И так же многозначно новый русский паломник использует термин «Гроб Господень» — применительно и к Кувулии вообще (1), и к часовне Гроба (2), и к Святому ложу (3). Но логика агрефениева рассказа отличается от логики Даниила. Архимандрит следует от общего к частному. Сначала он — правда, несколько путано — сообщает о внешнем виде Кувуклии: киворий часовни Гроба («верх») имеет уже свинцовое покрытие, подпираемое шестью арками («сводами») и двенадцатью спаренными колоннами («столпцев

⁵ Известно всего лишь два списка Хождения, XV и XVII вв. [12, с. 135–144; 37].

тонких... по два вместе»), надо полагать, в виде ордерной аркады; собственно же часовня окружена, как аркатурой, тоже двенадцатью колоннами, и тоже, вероятно, по две у каждой ее грани (при том, что восточная и западная грани были прикрыты приделом Ангела и пристройкой к часовне). Интересно, что данное свидетельство разнится с рассказом Даниила только относительно цвета колонн: теперь они не красные, а белые; изменился и вид кивория над часовней Гроба («теремца» по Даниилу): теперь его основу составляют двенадцать колонн (о количестве которых Даниил умолчал) особенного, «ледовидного» цвета и отсутствует венчающая его статуя Спасителя, а также серебряное покрытие.

Между прочим, агрефениево словесное описание внешнего облика Кувуклии (как и даниилово) не согласуется относительно числа колонн (в верхнем и нижнем ярусах часовни Гроба Господня) с чуть более поздними графическими свидетельствами европейских пилигримов XIV в.

Одно изображение было сделано известным голландским художником и типографом Эрхардом Ройвиком для издания в 1386 г. литературно обработанных записок декана майнцкого собора Бернхарда фон Брейденбаха о посещении Палестины в 1383–1384 гг., — «Паломничество в Святую Землю» [54]:

Forma et dispositio dominici sepulchri
(Вид и устройство гробницы Господа)⁶
View and structure of the Tomb of the Lord

⁶ Pdf инкунабулы и данного изображения см. на ресурсе Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/gdcwdl.wdl_18197/?sp=257 (дата обращения: 05.07.2022).

Другое изображение оставлено немецким рыцарем Конрадом фон Грюнембергом на страницах его иллюминированного повествования о совершенном им в 1386 г. паломничестве в Иерусалим [53]:

“Sepulhrum Domini Jesu Cristi”
(Гробница Господа Иисуса Христа)⁷
Tomb of the Lord Jesus Christ

Как видно, оба рисунка фиксируют вид Кувуклии с разных сторон и отличаются друг от друга мелкими подробностями. Тем не менее, поскольку они воспроизводят священный образец все-таки в общем схоже и с деталями, которых ни Даниил, ни Агрефений не упоминают, их создатели, Ройвик и Грюнемберг, надо полагать, были более точны относительно того, в каком виде предстала Кувуклия их взору и сколько колонн ее украшало. Соответственно, вряд ли можно доверять утверждениям наших паломников, особенно Агрефения, по поводу числа колонн вокруг Кувуклии. Однако оправдать их, пожалуй,

⁷ Pdf рукописи и данного изображения см.: Karlsruhe: Badische Landesbibliothek, 2006. URL: <https://digital.blb-karlsruhe.de/blbhs/content/pageview/3853597>. Л. 45 об. (дата обращения: 05.07.2022).

может сложная, судя по рисункам, резная (каннелированная), конфигурация стволовой части (фуста) колонн, что и могло, по-видимому, быть воспринято ими как раздвоенность.

Интересно, что упомянутый Грюнемберг, помимо рисунка, и словесно охарактеризовал Кувуклию и почти все сообщенные им подробности согласуются с рассказом Агрефения:

...Item das hailig grab ist in ainen herten fels gehöwen, aber die bilgram schlügend und kratztend stätz darab und wolt yeder des etwas mit im haim füren, also das von dem velsen und grab, dar inn nuntz beliben wär. Und darumb ließ die liebhaberin Gotz, santa Hellena, das grab Jesu Criste mit hertem wisem marmolstain umsetzen, das das dar under wär nit aso vertzagen und gemindert wurd. Disse capel ist acht schüch lang und nit so brait und ist uswendiger och mit marmelstainn besecz, und wer dar in wil, der müß durch zwai gefierte löcher oder bortten in schlieffen, und wenn er kumbt durch solich baid nider türen hin in, so stat das hailig grab ze der rechten hand, anbor gelich aim alter, bedekt mit ainem schönen marmerstain. Dar ob brinnent tag und nacht zwelff ampellen. Item dise capel des hailgen grabbs stat hinden inn dem tempel in mit aines grossen sinnwellen tempels und ist der selb sinnwel stok gar schön mit blig bedekt (?) und in mit des tachs ist ain sinnwel gros loch. Also wenn es regnet, so regnet es uff das cappelli, dar inn das grab Jesu Criste stat. Item an das gemelt capellin angemurt ist ain gar clainß cappelli, hât ainen alter. Das habend inn die Jacobitten [17, s. 418–419].

«...Святой Гроб вырублен в твердой скале, но паломники оттуда всё время отбивали и соскребали (кусочки), и каждый хотел что-то с собой привести домой, потому что думали, что в этом польза. Поэтому любящая Бога святая Елена повелела, чтобы гроб Христа окружили твердым белым мрамором, чтобы то, что было под ним, больше не сокрушалось и не уменьшалось. Вот эта часовня в длину восемь футов и не так широка, и она снаружи тоже облицована мрамором. Кто хочет войти, должен влезать через две прямоугольных дыры или ворота. А когда он прошел через обе такие двери, то увидел, что Святой Гроб находится справа, он похож на престол, покрытый красивым мрамором. На нем горят днем и ночью двенадцать лампадок. Эта часовня Святого Гроба находится в задней части храма внутри большого кругообразного храма с шарообразным куполом <...> в его центре находится круглая большая дыра. Когда дождь идет, тогда капли падают на часовню, в которой находится Гроб Иисуса Христа. К этой часовне пристроена очень маленькая часовня, в которой есть престол. Она принадлежит яковитам»⁸.

⁸ Перевод данного текста (на алеманском диалекте немецкого языка) осуществлен старшим преподавателем кафедры филологии Московской духовной академии РПЦ Хенриком Ханзенем. Благодарю своего коллегу за любезно оказанную мне помощь.

Как видно, Грюнемберг не описывает всей Кувуклии. Ему интересна только часовня Гроба Господня. Он сообщает историю (но без евангельских сведений) возникновения пещеры и ее почитания, размеры Святого ложа, а также о том, что оно сокрыто в мраморной раке и расположено у правой стены; характеризует величину пещеры погребения и способ проникновения в нее; свидетельствует о двенадцати неугасимых светильниках на ложе и местоположении часовни Гроба внутри храма Воскресения Христова; последняя предметная деталь из сообщенных Грюнембергом — это пристройка к часовне (судя по рисунку западная), принадлежавшая яковитам. Мелких подробностей экстерьера и интерьера, как и соотносённости описываемой святыни с новозаветным рассказом о крестной смерти, погребении и воскресении Христа он не касается. Соответственно, его рассказ в тематическом отношении значительно беднее рассказов и Даниила, и Агрефения и как описание менее нагляден, что, впрочем, отчасти компенсировалось рисунком.

Возвращаясь к показаниям Агрефения, должно отметить, что наш паломник, закончив характеристику внешнего облика Кувуклии, приступает к описанию ее внутреннего устройства и в последнем он детальнее своего предшественника Даниила. Во-первых, он отмечает наличие только двух дверей: входной (в Кувуклию и придел Ангела) и внутренней (из придела Ангела в часовню Гроба Господня); во-вторых, он словесно создает вполне зримый образ: в приделе Ангела шесть окон (два на правой стене, четыре на левой, что не соответствует рисункам Ройвика и Грюнемберга); пол вымощен зеленым мрамором; камень возвещения (его история изложена очень кратко) облицован (вероятно, по бокам) белым мрамором и имеет размеры (пядь ввысь и больше локтя диаметром), о которых у Даниила нет ни слова; рядом с ним то ли стоят, то ли висят два светильника («кандила»), Даниилом так же не упомянутые; вход в пещеру погребения уже без створок («затвора»), но по высоте все тот же, меньше человеческого роста; стена вокруг него покрыта красным мрамором — это, надо полагать, то, что осталось от времен Даниила. Агрефений заодно указывает очень важную, причем не согласующуюся с утверждением Грюнемберга подробность: оказывается, в приделе Ангела совершали богослужения («служат») яковиты. То есть этот придел, а не западная пристройка, получается, тогда принадлежал

Сирийской Церкви⁹. Как уж было на самом деле, в данном случае неважно. А важно то, что время Агрефения-Ройвика-Грюнемберга, если иметь в виду известный ход истории, — это последние годы процветания Сиро-Яковитской Церкви в составе Египетского султаната, самый канун ее разорения от орд великого эмира Тамерлана в 1393–1404 гг. [2, с. 262–263; 10, с. 98, 296–334, 358, 368, 395, 437]. Тем ценнее предоставленные сими очевидцами данные.

Агрефений последователен и планомерен. Вместе с ним читатель из придела Ангела попадал в пещеру погребения Христова. Ее обстановка тоже уже отличалась от той, которая предстала некогда взору Даниила. Все так же Святое ложе у правой стены (причем его размеры определены пядью, а не локтем) было покрыто белыми мраморными плитами, но отверстий в трансенне, по-видимому, уже не было, зато верхнюю плиту («престол») украшала плащаница католического («фряжского») письма с изображением Спасителя, который благословляет обнаженной правой рукой Франциска Ассизского и спящих рядом людей («стражие»). Очевидно, что сюжет этого изображения восходит к эпизоду из агиографического предания о католическом подвижнике. В частности, в знаменитом раннеитальянском анонимном флорилегии «Цветочки святого Франциска» (*Fioretti di san Francesco*, конец XIV в.), частично воспроизводящем латинское сочинение некоего Уголино из Монтеджорджо «Деяния блаженного Франциска и его спутников» (*Actus beati Francisci et sociorum eius*, 1327–1340), имелась глава «Как Христос явился святому Франциску и товарищам его», в которой рассказывалось о том, что однажды, во время беседы Франциска с тремя братьями, им явился Христос в облике юноши и благословил их; в благоговейном восторге они пали ниц, будто замертво, а когда очнулись, Франциск призвал их благодарить Бога, вложившего в их уста «сокровища божественной премудрости» [7, с. 175–176]. Весьма вероятно, что рассказ Агрефения о плащанице на Святом ложе в часовне Гроба Господня был основан не только на непосредственном визуальном восприятии, но и на информации о западном подвижнике, полученной от кого-то из католиков, слушающих в часовне, но плохо понятой. Именно поэтому собеседники

⁹ Не приняла определений Халкидонского вселенского собора (451 г.) относительно двуестественной, богочеловеческой, природы Иисуса Христа [39, с. 830; 15].

Франциска превратились в стражников. Тем не менее рассказ Агрефения о плащанице уникален, ибо спустя три десятка лет, с тамерлановым завоеванием Палестины, обстоятельства христианской жизни в этой мусульманской стране изменились в худшую сторону, настолько, что католики надолго утратили свое прежнее влияние здесь.

Рассказав о внешнем и внутреннем устройстве Кувуклии, Агрефений вновь обращает свой взгляд вовне. Но теперь уже его интересует окружение этого реликвария. Правда, его рассказ об Анастасисе, храме-ротонде, в котором находилась Кувуклия, значительно более краток по сравнению с рассказом Даниила и не отражает детальных и вдумчивых наблюдений. Агрефений всего лишь отмечает, что свод Анастасиса покоился на сборных («зиданных») белораморных колоннах — восьми круглых и восьми квадратных в сечении — и что прямо перед Кувуклией располагался вход в Анастасис в виде арки, оба фасада которой были украшены колоннами из красного мрамора — по четыре, сдвоенных у вертикалей арки с каждой стороны. Более Агрефений ни о ротонде, ни о Кувуклии не говорит.

К определенным выводам приводит сравнение рассказа Агрефения с современным ему греческим анонимным описанием Кувуклии:

§ 2. ...Ἰστανται δὲ μέσον τοῦ αὐτοῦ ναοῦ κοῦβοῦκλιον μετὰ κιόνων καὶ μαρμάρων εὐμόρφων, ἔχον ἐντὸς τὸ ζωοδόχον καὶ ἅγιον μνῆμα Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, οὐχὶ τὸ λελατομημένον ἐκ πέτρας, τὸ καὶνὸν ἐκείνο τοῦ Ἰωσήφ, ἀλλὰ ἕτερον ὅποιον ψκοδόμησεν ἡ ἀγία Ἐλένη. Ἐκεῖνο δὲ εἰς ὃ κατετέθη τὸ πανάχραντον σῶμα τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὐδεὶς τῶν ἀνθρώπων ἐτεθέατο ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς γενεᾷ λέγουν δὲ ὅτι ἐθεάσατο ὁ πατριάρχης Ἱεροσολύμων κύρ Δωρόθεος. Ὑπάρχει δὲ κάτωθεν τοῦ ἐδάφους, ἔχον βάθος βαθμίδας ιζ'. Ἐχει τὸ ἅγιον μνῆμα τὸ φαινόμενον τὴν σήμερον παρὰ πάντων καὶ προσκυνούμενον (τὴν σήμε-

§ 2. ...Посредине же сего храма (Анастасиса. — В.К.) стоит Кувуклий из прекрасных колонн и мраморов, заключающий внутри Живоносный и Святой гроб Христа Бога нашего, не тот, который иссечен из камня, не тот новый гроб Иосифов, но другой, созданный святою Еленой. Того же, в который положено было пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа, ни один человек нашего поколения не видал. Говорят, что его видел Иерусалимский патриарх Дорофей¹⁰. Этот гроб находится под полом и имеет в глубину 17 ступеней. Святый гроб, ныне всеми видимый и поклоняемый, имеет в длину

¹⁰ Автор перевода и издатель греческого текста А.И. Пападопуло-Керамевс почему-то заменил Дорофея на Досифея [36], не дав при этом никаких пояснений. Иерусалимский патриарх Дорофей I был современником русского архимандрита Агрефения и грека-анонима [27].

ρον) μήκος σπιθαμὰς ὅκτω ἢ ἔλασσον· ἔχει καὶ πλάτος σπιθαμὰς δ' καὶ ὕψος γ' ἡμισυ. Ἀνάπτουσιν ἄνωθεν κανδήλαι ιβ' ἀενάως.

§ 3. Ἐμπροσθεν δὲ ταῆς πύλης τοῦ μνημείου ὑπάρχει ὁ λίθος, ὃν προσεκύλισαν τῷ τότε παρὰ τὴν θύραν τοῦ μνημείου, καθὼς λέγει ὁ εὐαγγελιστὴς Ματθαῖος «καὶ προσεκύλισεν λίθον μέγαν παρὰ τὴν θύραν τοῦ μνημείου». Εἰσερχόμενος γοῦν εἰς τὸν ναὸν ἔμπροσθεν τῆς πύλης ὑπάρχει ὁ τόπος, ὅπου ἐκηδεύθη τὸ πανάχραντον σῶμα τοῦ Κυρίου παρὰ Ἰωσήφ καὶ Νικοδήμου. Ἐχει δὲ μήκος ὁ τόπος ἐκεῖνος σπιθαμὰς δέκα ἡμισυ καὶ πλάτος ε'. Ἀνάπτουν ἄνωθεν κανδήλαι ι' ἀενάως· ὁ γὰρ λίθος εἰς ὃν ἐτέθειτο τὸ ἅγιον καὶ ἄχραντον σῶμα, καταβὰν ἀπὸ τοῦ σταυροῦ γυμνόν, ὑπάρχει τὴν σήμερον ἐν Κωνσταντινουπόλει, εἰς τὴν μονὴν τοῦ σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Παντοκράτορος [35, с. 1–2].

восемь пядей или меньше, в ширину четыре, а в высоту три с половиной. Сверху беспрерывно теплятся 12 лампад.

§ 3. Перед дверью гроба находится камень, в то время надвинутый к двери гроба, как говорит евангелист Матфей «и возвалил камень великий на двери гроба» (Мф. 27: 60; Мк. 15: 46). Когда входишь в храм, то перед дверьми находится то место, где было похоронено Пречистое тело Господа Иосифом и Никодимом. Это место имеет десять с половиной пядей длины и пять ширины. Сверху горят беспрерывно 10 лампад. Камень же, на который было положено Святое и Пречистое тело, снятое со креста, находится ныне в Константинополе в обители Спасителя Христа Пантократора [35, с. 13–14].

Как видно, грека-анонима не особенно интересует локализация, экстерьер и интерьер Кувуклии, хотя он отмечает ее красоту и, например, сходится в указании на двенадцать светильников над Святым ложем и с Агрефением, и с Грюнембергом (повторное указание на десять светильников, видимо, обусловлено ошибкой). Его больше интересует историческая правда, и в этой связи он сообщает уникальные сведения. Оказывается, пещера погребения, представляющая перед взором паломника, — это то, что сотворено было по приказу императрицы Елены. Настоящая же гробница, которую Иосиф Аримафейский приготовил некогда для себя, ставшая местом последнего упокоения Спасителя и восшествия Его в жизнь вечную, находится под спудом и никому не доступна. Ее видел, по слухам, только предстоятель Иерусалимской церкви Дорофей [19], что как-то совсем не понятно. Другая историческая констатация грека-анонима состоит в том, что Святое ложе, — видимо, речь идет о древней верхней плите трансенны, раки, или саркофага, а может быть, о плащанице, которую видел Агрефений, — находилась уже в константинопольском монастыре во имя Господа Вседержителя, основанном еще императором Иоанном Комниным (1113–1143) [14]. Вероятно, и

то, и другое случилось ввиду потери иерусалимскими христианами независимости.

Любопытно, что этому анонимному рассказу отчасти соответствуют рассказ другого грека-анонима, побывавшего в Палестине несколько позднее, скорее всего, в XV в.:

§ 13. Τὸ δὲ πανάγιον τοῦ Χριστοῦ μνήμα ἔνε κεκρυμμένον ὑποκάτω τῆς γῆς εἰς βάθος. Ἀπάνω γοῦν εἰς τοῦτο, εἰς τὸ ἔδαφος τῆς ἐκκλησίας, ἔνε κουβούκλιον περικαλλὲς ψοκοδομημένον καὶ βαστάζουσίν το δώδεκα κιόνια λεπτά κύκλῳ, καὶ ἀπέσω ἔνε δύο μικρὰ κελλία· τὸ ἔξω ἔνε μεγαλύτερον καὶ τὸ ἐνδότερον μικρόν, ὅσο νὰ χωρέσῃ δέκα ἀνθρώπους. Ἐχεῖ γοῦν ἔνε ὁ Ἅγιος Τάφος εἰς τὰξιν μνήματος, ἦγουν τὸ ἀντίτυπον τοῦ ἀρχετύπου μνήματος, καὶ ἔνε μαχρὸς ἐννέα σπιθαμὲς καὶ πλατὺς τέσσαρες (τόσον ἔνε καὶ ἡ Ἁγία Ἀποκαθήλωσις) καὶ κρέμονται ἀπάνω κανδήλες μεγάλες μὴ, κδ' τῶν Ὁρθοδόξων καὶ κδ' τῶν Αἰρετικῶν. Καὶ εἰς τὸ ἔξω κελλίον ἔνε ὁ λίθος ὁποῦ ἀπεκύλισεν ὁ ἄγγελος ἀπὸ τῆς θύρας τοῦ μνημείου καὶ ἐκάθητο ἐπάνω αὐτοῦ. Ἐνε γοῦν ὁ Θεῖος Τάφος εἰς τὸ μέσον τοῦ θείου ναοῦ τῆς ἀσκέπαστης τροῦλλας [23, с. 3–4].

13. А Пресвятая гробница Христова скрыта глубоко под землею. Над нею, на полу церкви, построен красивейший Кувуклий¹¹. И кругом его поддерживают двенадцать тонких колонн, и внутри находятся два маленьких помещения, — наружное больше, а внутреннее маленькое, так что оно может вместить только 10 человек. Тут находится Св. Гроб в виде гробницы, т. е. изображение первоначальной гробницы, в длину он имеет 9, а в ширину 4 локтя (такое же — место Снятия со Креста), и над ним висят 48 больших лампад, 24 православных и 24 — еретиков. В наружном помещении находится камень, который Ангел отвалил от дверей Гроба и сел на него. Святый Гроб находится посреди божественного храма, под некрытым куполом [23, с. 143–144].

Как видно, этот очевидец подтверждает известие о подспудном положении («глубоко под землею»), под позднейшей искусственной ракой (образом «первоначальной гробницы»), действительного места, на которое когда-то было положено безжизненное тело Христа. Интересно также, что его рассказ согласуется с показанием Агрефения относительно двенадцати колонн вокруг часовни Гроба. Правда, в данном случае выходит, что колонны опоясывают собой весь Кувуклий. Наконец, обращает на себя внимание и резко возросшее число лампад над ракой — Святым ложем.

¹¹ Переводчик этого текста П.В. Безобразов предпочел греческую форму среднего рода передать русской формой мужского рода.

Уместно здесь отметить, что, помимо указанных свидетельств греков-анонимов, имеется еще и свидетельство митрополита Даниила Ефесского (Смирнского) конца XV в. о сокровенном положении исторически действительного одра Спасителя: «3) τὸ δὲ πανάγιον τοῦ Χριστοῦ μνημαῖ ἐστὶν ὑποκάτω ἥς εἰρήκαμεν ἀσκεποῦς τροῦλης, κεχρυμμένον μὲν ὄν ὑπὸ γῆν εἰς βάθος // 3) Пресвятая же Христова гробница находится под тем некрытым куполом, о котором мы упомянули, скрытая под землею в глубине» [40, с. 10, 39]. Остается только гадать, что именно в данном случае имеется в виду и почему этот факт оставался неизвестным бесчисленным паломникам, в том числе и русским. Лишь в середине XVI в. о нем поведаёт москвитам Василий Позняков, да и то смутно, о чем будет сказано ниже.

Однако, что бы ни думать о выявленных сходствах и различиях в описаниях Кувуклии, но и показания греческих паломников, и сообщение Грюнемберга четко оттеняют исключительно деловое отношение Агрефения к словесному изображению Гроба Господня как святой достопримечательности именно ради создания в представлении читателей ее наглядного образа. И очевидно, что Агрефению выполнение конкретно такой задачи прекрасно удалось.

Следующим, кто из русских паломников, побывав в Иерусалиме, оставил рассказ о Кувуклии, был неизвестный по имени путешественник, которого в научной литературе довольно долго отождествляли с Игнатием Смольняниным, автором повествования о достопримечательностях Константинополя [20; 18, р. 16–20; 6, с. 192–196]. Псевдо-Игнатий, или Аноним, видел Кувуклию в 1405 г. Однако оставил рассказ предельно скупой на детали, содержащий только общие указания относительно взаимной локализации осмотренных им святынь. Исключение он сделал лишь для величины Святого ложа:

А под гробом Господним (4) сделана церковь мала. Входя ко гробу Господню (2) двои двери; а гроб Господень (3), мера его в длину 9 пядей, а в ширину гроба четырех пядей. Над гробом же Господним (1) большая церковь есть, верх у ней пол, а в малой церкви над гробом же Господним (3) все покрыто, на малыя скважни несь видети, и сие сиа в церкви тако [48, с. 19].

Зато номинация «Гроб Господень» употреблена Анонимом во всех четырех значениях: применительно к Кувуклии в целом (1), к пещере Гроба (2), к Святому ложу (3) и к самому храму Воскресения Христова (4).

В XV в. еще четверо русичей посетили Святую землю: некий инок Епифаний около 1417 г. (некоторые исследователи отождествляют его с Епифанием Премудрым) [12, с. 172–175; 18, р. 20–21; 6, с. 201–202], насельник Троице-Сергиева монастыря Зосима около 1422 г. [12, с. 175–190; 18, р. 21–23; 6, с. 205–211], монах Варсонофий в 1456 г. [12, с. 209–212; 18, р. 23–25; 6, с. 223–230], какой-то купец Василий около 1466 г. [12, с. 212–217; 18, р. 25–26; 6, с. 231–238]. Все они оставили записки и все, за исключением Епифания [41], рассказали, в частности, о Кувуклии, правда не так детально, как это сделали игумен Даниил и архимандрит Агрефений.

Свидетельство Зосимы довольно лаконично:

У святого Воскресения 2 верха: один есть с маковицею и со крестом, над путем земским (пупом земным — по др. спискам. — В.К.), другой верх над гробом Божиим (1), сий верх не покрыт. А над гробом Божиим (3) храма каменная, яко церковь, как клетски, со олтарем, а без притвора; в первые двери влезши, на правой руке лежит камень, кои аггел пришед отвали от двери гроба (2), и во другие двери влезши же, яко во олтарь, как [главу] наклоня, и там гроб Божий (3) возле стену, яко коник, а над ним написан Спас фряжский на степенях. А вверху над ним горят 12 паникадил сдкляных, а на том месте тако ж 12, коли со креста сняли Господа и положили его на том месте. А кому поклонитись гробу Господню (1), тому дати златых денег винетических фролинов, то еще колико на пути арапом давати откупати путь; идучи от Арамля [Рамли] ко Иерусалиму то еще сторожем давати 15 стражей у гроба Господня (3) приставлено лютых саркин [51, с. 18].

В общих чертах поведав о храме-ротонде, Зосима, как и его предшественники, описывает внешний вид Кувуклии, но без деталей Даниила и Агрефения, зато прибегая к сравнениям: Кувуклия создана из камня и подобна русским небольшим рубленным храмам («клетски»¹²). Характеристика интерьера Кувуклии касается не того, как все

¹² Клетски — деревянный прямоугольный храм в четыре стены [41, вып. 7, с. 167].

в ней устроено, а больше функционального назначения внутреннего ее пространства: роль алтаря в ней играет пещера погребения, в которой находится Святое ложе, по виду похожее на лавку («коник»¹³), попасть туда можно через проход из придела Ангела; поверх Святого ложа («на степени»¹⁴) лежит фряжская плащаница с изображением Спасителя, вероятно, не та, которую видел Агрефений¹⁵; над ложем висят двенадцать стеклянных лампад, и столько же поставлено на ложе. Любопытную подробность сообщает Зосима относительно расположения камня возвещения в приделе Ангела: оказывается, он находился не прямо против входа в Кувуклию и затем в пещеру погребения, а чуть правее. Это важное локальное уточнение, не соответствующее нынешнему положению и не подтверждаемое другими русскими паломниками. Следует также отметить, что, свидетельствуя о святых реликвиях Кувуклии, Зосима подчеркивает их связь с евангельской историей и что Гроб Господень, согласно обычаю, упоминается им с разными значениями: по отношению к Святому ложу (3), к пещере погребения (2) и к Кувуклии вообще (1). Более никаких подробностей предметного свойства в рассказе Зосимы нет. Зато он детально сообщает о финансовых условиях и способах приобщения к великой христианской святыне, полностью определяемых хозяйничающими в Палестине арабами.

Варсонофий тоже немногословен в своем рассказе о Кувуклии:

Святая же церковь велика Христова Воскресение поставлена, якоже быс пред враты, пред дверми церковными сотворен предел велик и кругол, стены камены. И на тех стенах поставлены брусие деревяное, встань вверх покато и покрыто досками деревяными. И поверх тоя кровли повито свинцем, и сотворен свод кругло, аки корчажное устие. И ту ж есть окно велико яко трех сажен непокровено. А в том пределе

¹³ Коник — лавка в доме [41, вып. 7, с. 276].

¹⁴ Степень — возвышение, алтарь [41, вып. 28, с. 52–53].

¹⁵ Скорее всего, это была новая плащаница, которую охарактеризовал еще один неизвестный греческий паломник 2-й половины XV в., автор «Душеспасительного рассказа о св. Гробе»: «Καὶ ἔναι αὐτοῦ ἡ λαζαρωσις ἱστορισμένη καὶ ἡ Ἀνάστασις καὶ ὑψώθεν καλλωπισμένη μετὰ ὀρθοαρμάρωσιν / «Здесь изображено обвитие пеленами Иисуса Христа по снятии Его со Креста, Воскресение, а кругом мраморная обшивка» [23, с. 162–163].

гроб Христовъ (1), и круг гроба Божия (1) аки храмина, двери велики двои и вокна по странам. И ту есть другой предел о четырех стенах невеликих, яко меря гробу Божию (3), тако и стенам того святого киота. И нат тем же покрыто яко теремець, побит свинцем и подписан мусиею, и подписаных херувими, и серафими, и ангели, архангели. И оконца же ни единого несть, иде же гроб Божий (3), токмо едины двери. Над гробом Божиим (3) горят 14 паникадил. Гроб же Господень (2) и вкруг гроба теремице и стоять противу окна великаго придела. И ту же есть камень велик, на нем же седил ангел Господне, и ту ж сотворен посреди, плоск [52, с. 3].

Прежде всего, стоит заметить, что в приведенном фрагменте, как и в более ранних текстах, выражение «*гроб Господень*» обозначает то Кувуклию в целом (1), то пещеру Гроба (2), то Святое ложе (3). При этом пояснения Варсонофия сбивчивы. Рассказывая об увиденном, он отмечает, что храм Воскресения Христова кругл в плане и имеет каменные стены с окнами и входом («враты», «двери церковные», «двери велики») и покрытую свинцовыми пластинами крышу в виде купола с большим отверстием (кстати, указание на его размер уникально для паломнической литературы [43, с. 285]). Любопытно, что в этом описании, как и у Зосимы, использованы сравнения, только применительно к другим предметам («аки корчажное устие»¹⁶, «аки храмина»¹⁷), будто автор стремился усилить наглядность своего рассказа. Кувуклия («другий придел»), по Варсонофию, расположена прямо под окулосом ротонды («противу окна»). Характеристика внешнего вида Кувуклии («о четырех стенах невеликих») в чем-то сходна с характеристикой Зосимы («клетски»): и тем (описательно), и другим (терминологически) отмечается прямоугольная форма сооружения. Варсонофий сообщает также, что размеры Кувуклии — в меру Святого ложа («яко меря гробу Божию»), а само вместилище последнего, т. е. пещеру погребения или часовню, называет «киотом»¹⁸. Далее он говорит как будто бы о кивории над ним («теремець») со свинцовым покрытием и мозаичными изображениями небесных сил. Однако это

¹⁶ Корчага — глиняный кувшин [41, вып. 7, с. 347].

¹⁷ Храмина — дом, комната, часовня, храм [33, стб. 1396–1397].

¹⁸ Киот — крытый сруб над могилою [24, с. 107].

свидетельство, для древнерусской традиции тоже уникальное, можно отнести и к куполу ротонды, если принять во внимание более поздние показания некоторых европейцев [43, с. 285]. Между прочим, упомянутый выше неизвестный греческий автор «Душеспасительного рассказа о Св. Горе» дает уточнения: «...по стенам купола (ротонды. — В.К.) мозаичные изображения: все пророки...», «...а внутри он (Кувуклий. — В.К.) расписан мозаикою: Вознесение» [23, с. 162, 163]. Наличие мозаик в куполе ротонды («изображения святых пророков, апостолов и мучеников») подтверждает и митрополит Ефесский или Смирнский Даниил [40, с. 40]. Любопытно также, что Варсонофий, в отличие от Агрефения, констатирует отсутствие у Кувуклии окон, называет иное число лампад, — четырнадцать, висящих то ли над Святым ложем, то ли вокруг Кувуклии, и, упомянув, камень возвещения, отмечает его плоскую форму.

Кстати, побывавший в Иерусалиме через десять лет после Варсонофия некий купец Василий в своем очень коротком сообщении тоже отмечает четырнадцать неугасимых лампад, правда, не указывает их точное расположение:

Оттуда же пойдохом ко гробу Господню на левую страну. И лежит камень пред дверьми гроба, что Ангел от гроба отвали, и тута поклонихомся. И ту кандил 14 горят безпрестани день и ношь. И излезохом от гроба Божия, и пойдохом налево [47, с. 9].

Следующее русское посещение Иерусалима произошло почти век спустя. Рассказ о нем принадлежит купцу Василию Познякову [18, р. 36–38; 6, с. 309, 311–320] и относится ко времени после 1561 г. То есть этот паломник видел Кувуклию уже после ее реконструкции в 1555 г. Вот его сообщение:

А гроб Господень (5) от мрамора белаго, длина гроба Господня (5) 9 пядей, а поперег 5 пядей, а стоит гроб Господень среди (5) великия церкви; а верх у великия церкви не покровен, разбит от поганых турок. А над самым гробом Господним (5) стоит малая церковь каменная, надвое переделана; а вокруг тоя малые церкви обито деками мраморными узорчатыми; и внутрь малые церкви обито деками мраморными; а гроб (5) стоит в церкви на правой руке к стене примурован верх

земли; а покрыт декою мраморною. Тот же гроб (5) учинила царица Елена. А пот тем гробом (5) гроб (3), в котором положитися изволи Господь наш Иус Христос Иосифом и Никодимом, из него же и воста, нам живот вечный дарова. И к тому гробу (3) не входимо никому, и вход под землею закладен каменiem. И пред враты святого в пределе лежит камень, что отвали аггел Господень от дверей гроба, и над ним стоят 4 паникадила; и тот камень рознят на мощи и не много его осталось. А внутрь над самым святым гробом (5) Господним горит 43 паникадила день и ночь; а в те кадила наливает масло казначей гроба Господня, имя ему Галел; а дают ему масло православные христиане и от иных стран присылают. И округ малые церкви гроба Господня (1) стоят 6 кандил, и над враты церковными едино кандило, и на самом верху едино кандило [49, с. 32–33].

Рассказ Познякова поражает правильностью языка, а также четкой точностью и планомерной последовательностью изложения. Никаких предметно неопределенных, неясных указаний Василий себе не позволяет. Все его свидетельство предельно конкретно, хотя и не столь наглядно по сравнению с описаниями Даниила и Агрефения. Свою характеристику Кувуклии он начинает с обрисовки интерьера пещеры погребения, или часовни Гроба, ему важно отметить размеры Святого ложа, его местоположение, отделку стен белыми мраморными плитами, наличие неугасимых лампад, причем число их сильно возросло, обычай доступа к лампадам и порядок их использования. Согласно Василию, Кувуклия состоит из двух помещений и снаружи тоже отделана резными мраморными плитами («узорчатymi»); внутри придела Ангела вокруг камня возвещения стоят четыре подсвечника («паникадила»), светильники имеются и вокруг Кувуклии. Василию интересна история: верх храма Воскресения Господня открыт потому, что его разбили турки (видимо, это его собственная догадка); Кувуклия создана царицей Еленой; пещера погребения и камень Ангела, сильно поврежденный («рознят (разобран. — В.К.) на мощи»), те самые, о которых рассказано в Евангелиях; действительное ложе, непосредственно принявшее некогда Святое Тело Христа, закрыто абсолютно для всех. И в этом отношении понятно, почему Позняков, употребляя выражение «гроб Господень» как обычное обозначение Кувуклии (1) или Святого ложа (3), обогащает его новой

коннотацией, отсылающей воображение читателя к саркофагу или раке над Святым ложем (5).

Между прочим, Позняков первым из русских паломников отметил факт подспудного положения настоящего одра Христова. Учитывая отличающую его манеру изложения, можно не сомневаться в его образованности и, соответственно, вероятном знании греческого языка, что и позволило ему получить в Иерусалиме более детальную информацию о Кувуклии. Синтаксически и стилистически стройная организация рассказа об этой святыне, как и всего текста хождения, несомненно, обусловлены были, наряду с образованностью, еще и литературными способностями Познякова. Но, видимо, все-таки он не ставил перед собой задачу подробно, со всеми деталями описать Кувуклию и передать свои чувства от приобщения к ней.

Труд Василия Познякова был мало известен древнерусским читателям. Тем не менее, вероятно в силу присущих ему литературных достоинств, он не пропал втуне, а, напротив, оказал самое мощное влияние на русскую паломническую литературу, ибо на рубеже XVI–XVII вв. некий грамотник, действуя от имени дьяка Трифона Коробейникова, побывавшего в Антиохии, Египте и Святой земле в 1593–1594 гг., составил записки об этих местах, как выяснилось, полностью — особенно в иерусалимской части — используя с некоторыми дополнениями и сокращениями текст Василия Познякова [50, с. XXIV–XXVI, XXXI; 18, р. 39–43; 6, с. 323–331]. И именно эта литературная компиляция стала затем, в XVII–XVIII вв., небывало популярной: ее текст многократно переписывался и издавался. Но, поскольку «Хождение» Трифона Коробейникова, будучи литературно вторичным, не является отражением непосредственных паломнических наблюдений и впечатлений, нет смысла здесь и говорить об этом произведении.

К XVII в. относятся три рассказа о Кувуклии.

В середине 30-х гг. XVII в. эту святыню видел купец Василий Гагара [18, р. 45–46; 6, с. 353–359], однако он явил крайнюю скудость относительно ее описательных характеристик. Самое интересное, что он сообщил, — это то, что находившийся здесь Гроб Господень, трансенна, не соответствовал по своим размерам Гробу, который был вывезен из Иерусалима еще Трифоном Коробей-

никовым (вероятно, в данном случае подразумевается копия раки из часовни Гроба¹⁹):

...а гроб Божий стоит в часовне каменной на земли, а мерою уже того и ниже гроба, что вывез Трифон Коробейников, лише длиною... [26, с. 32].

В 1653 г. из поездки по христианскому Востоку вернулся келарь Троице-Сергиева монастыря, иеромонах Арсений (Суханов) [18, р. 48–50; 6, с. 369–396]. В Москву он доставил подробный письменный отчет о своем путешествии — «Проскинитарий». Вторая часть этого отчета, посвященная описанию Иерусалима, как раз и содержит весьма пространный рассказ о Кувуклии. Однако последнему предшествует подробное изложение ее предыстории, в котором Арсений, пересказав евангельские сведения о распятии, погребении и воскресении Иисуса Христа, сообщает об изначальном расположении места, где Он был погребен, — на горе Голгофе, «с боку», недалеко от креста распятия, а также о его позднейшем, при императрице Елене, обнаружении и создании над ним сакрального мемориала в виде Кувуклии:

Глава 34 <...> Гроб же той (2) иссечен бысть из камени, якобы палаточка невелика, из самородного камени, а не известию составными каменьями смазана, но высечена в горе; ему же мера описана будет на ином месте. И как царица Елена пришла в Иерусалим, и поклонися тому гробу Христову (2/3) <...> и повеле гору сечь камень и опустит низко, дабы помост церковный ровен и прям был, идеже церковь та хочет основана быти <...> и на том месте повеле основать церковь. А гроб Христов (2/3) и самая Голгофа, идеже животворящий крест стоял, стали внутрь тоя церкви, не подвижны ничем <...> И повеле царица учинить гроб Господень (1) на образец гроба сына Давидова, царевича Авессалома, его же уби Иоав, иже ныне стоит вне града Иерусалима, во юдоли плачевне, прямо к горе Елеонстей... [38, с. 126–130].

Здесь любопытно свидетельство Суханова о том, что Кувуклия над местом погребения Христа была сооружена по подобию памятника са-

¹⁹ Какова история этой реликвии, неясно.

мому себе, который по преданию был высечен из скалы в Иосафатовой (Кедронской, или царской) долине под Иерусалимом сыном царя Давида Авессаломом (2 Цар. 18: 17–18) и который почитался в древности как гробница последнего [29, с. 15]. Это уподобление одного другому совсем непонятно, ибо слишком различны деяния Сына Божия, Спасителя мира, даровавшего человечеству жизнь вечную, и сына Давидова, братоубийцы и бунтаря, покушавшегося на жизнь отца и погубившего собственную жизнь. Оправдать такое сближение может разве что генеалогия, ибо согласно евангелистам Матфею (1: 16) и Луке (1: 27) родоначальником Иисуса Христа по человечеству был царь Давид.

Собственно описание Кувуклии помещено Арсением Сухановым в описание церкви Воскресения Христова:

Глава 38 <...> Палатка, что зовется гроб Христов (1), снаружи, с полудня в ночь, — две сажени и две чети малых, а вдоль — три сажени и шесть четей малых и три осьмины малой чети; а высота — две сажени и две осьминки малой чети. Та же палатка, что зовется гроб Христов (1), с полудня в ночь, внутри, — три чети больших без двух осьмушек, а с востоку на запад — сажень без двух четей малых и без осьмушки. Двери самого гроба Христова (2) в высоту — полсажени без полупята осьмушки; а порог нижний не высок, перста на полтора или два; ширина тех дверей — четь большая с осьмушкою. А двери те не затворяются и затвору у них нет, понеже в погребение Христово те двери камнем были заслонены. Толстота стен в дверях — четь большая с тремя осьмушками.

Самое место, на нем же положено было пречистое и животворное тело Христа Бога нашего, в высоту от помосту — полшесты чети с осьмушкою невступно; а в длину — сажень без двух четей малых и без осьмушки, а в ширину — полсажени без чети и без двух осьмушек, а от краю даже до стены. И то место, вшед до дверей с востоку, — на правой руке, сиречь от полунощной страны, подле самой стены, якобы лавочка от того же единого камня, что и стена палатки; понеже та палатка, еже зовется гроб Христов (2), вся снаружи и внутри та лавочка, на ней же тело Христово лежало, — все то иссечено из единого камня самородного, из горы, а не составная и не известию смазыва-на, понеже в Иерусалиме земля вся — камень голый, яко лед, а земли мягкой нигде не сыщешь <...>

И как царица Елена, пришед в Иерусалим, изволила церковь Воскресения Христова здати, и то место на помост церковной повеле выровняти; и где был гроб Христов (2) в горе иссечен, и ту гору около гроба Христова (2) повеле обсесть и учинить стены прямы, якобы палатка четверугольна; снаружи и внутри стены и ту лавочку, на ней же лежало тело Иисусово, и мост повеле плитами мрамору белого выслать и приклеить гипсом. Да тутю ж, среди того гроба Христова (1), приделана палатка невелика: мерою с полудня в ночь — сажень и шесть четь малых; а в длину, с востока на запад, — сажень и пять четь малых, полпята осьмушки; в высоту — сажень без трех четь малых и без трех осьмин; а в ширину — пять четь и три осьмины; а толстота стены в дверях — полсажени и четь малая и две осьмушки. В тех дверях затвор есть, но николи не затворяют, а токмо в Великую Субботу турчин запирает.

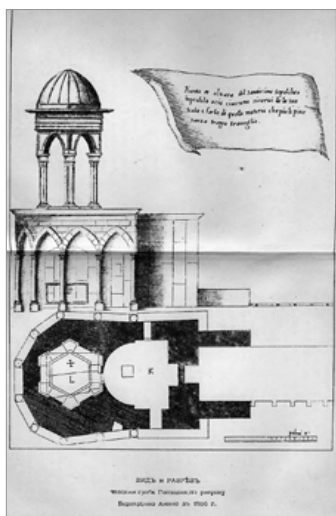
Лавочка, на ней же лежало тело Иисусово, с востоку на запад, от стены до стены; от полуночи стена же, и с полудня стена же. Тут положена плита одна мрамору белого во всю лавочку, от стены до стены, к верху от низу помосту, ровно с лавочкою тою; а сверху той лавочки положены две плиты мрамору белого во всю лавочку, токмо по краю мало якобы опущена, иного мрамора белого же, перста на три в ширину и в толстоту. И так та лавочка самородного камня, на нем же лежало тело Христово, обложена вся белым мрамором, досками для того, что если бы не было оклеено мрамором, ино все разнесено было бы; понеже на всякое лето и ныне приходят православнии христиане, тако ж и еретицы зовоми, и вси хотят взять на благословение того камня и прочих святых мест, и приходят целовать с шилами и с долотцами, и тайно колушают <...> Западная стена палатки, еже есть гроба Христова, против лавочки, две плиты: от места даже до углу полуденного; одна доска и широка и долга от земли до верху, а четвертая в пол тех шириною, а длиною яко же те. На восточной стене над дверьми и против лавочки две доски и мост; меж лавочки и стены положена одна плита. И все те плиты — мрамор белый.

Глава 39. А в дверях гроба Христова (2) поставлены были столбцы, якобы притолоки, мрамору синего с пестринами белыми, испестрено чудным строением. И те столбцы попорчены, исколупаны от людей приходящих: емлют тайно на благословение. И против тех дверей гроба Христова (2) в другой палатке приделан пред гробом Христовым (2)

камень, иже бе в погребение прислонен к дверем гроба Христова (2). В толстоту тот камень, с полудня в ночь, три чети малых и три осьмины малой чети, а поперег, с востока на запад, четь большая без двух осьмин, а в высоту две чети малых; а стоит концем к верху, а в земле сколько его, того неведомо. В палатке что приделана пред гробом Христовым (2), на полуденной стране два окна, а на полуночной одно. Около гроба божия (2) стоят десять столбиков мраморных цельных, а не составных.

Позади гроба Божия (2), от запада, приделана церквица коптская, мерою с востока на запад — полторы сажени без малой чети и без третьей осьминки... [38, с. 144–145, 146–148].

Как видно, Арсений Суханов, несмотря на пространность своего повествования, мало внимания уделяет предметным, декоративно-ритуальным деталям внутренней обстановки и внешнего облика Кувуклии, его описание не обусловлено стремлением создать в представлении читателя зримый образ этой святыни. Зато, в отличие от своих предшественников, Суханов вполне целенаправленно занят ее технологическими, ориентационными и габаритными характеристиками, он, будто инженер, тщательно выясняет то, как она сделана, подсчитывает и измеряет по вертикали и горизонтали структурно-конструктивные элементы ее архитектуры, указывает их взаимное относительно друг друга расположение, он словесно как бы вычерчивает трехмерный план-проекцию сооружения, который можно использовать при воспроизведении мемориала в другом месте. Однако, на удивление, некоторые важные архитектурные элементы Кувуклии Сухановым вовсе не отмечены: например, он ничего не сообщает ни о кивории над часовней Гроба, ни о внутренних и наружных светильниках. Зато он отмечает десять колонн вокруг часовни Гроба, что с учетом указания на «столбцы» «в дверях гроба Христова» (вероятно, пару) будет тождественно сообщением игумена Даниила и архимандрита Агрефения о двенадцати окружающих часовню Гроба колоннах, а вместе с тем согласуется (как и указания на окна в приделе Ангела) с изобразительным свидетельством Бернардино из Галлиполи, францисканского монаха, архитектора и автора «Трактата о планах и видах священных зданий Святой Земли» [59]:

Вид и разрез часовни гроба Господня по рисунку Бернардино Амико, 1596 г.
[59, между с. 45 и 46]

View and section of the Chapel of the Holy Sepulchre according to a drawing by
Bernardino Amico, 1596 [59, between pp. 45 and 46]

Между прочим, чертеж Бернардино удостоверяет утверждение троицкого монаха Зосимы относительно слегка сдвинутого вправо положения камня возвещения в приделе Ангела, что другими русскими авторами хождений, включая и Суханова, замечено не было.

Имеет смысл также обратить внимание на последовательность Арсения при употреблении выражения «гроб Господень». Под его пером это выражение устойчиво и многократно обозначает пещеру погребения или часовню Гроба (2); лишь однажды оно указывает на все сооружение Кувуклии (1) и дважды употреблено загрязнено — по отношению то ли к пещере погребения, то ли к Святому ложу (2/3). Возможно, подобное постоянство отражает некое завершение в развитии речевой практики, распространяющейся на почитание Кувуклии.

Почти одновременно с Арсением Сухановым в Иерусалиме и Святой земле побывал иеродиакон Троице-Сергиева монастыря Иона по прозвищу Маленький [18, р. 46–48; 6, с. 403–408]. Но составленные

им записки заметно отличаются от всех русских текстов, относящихся к жанру хождений, прежде всего, разговорной повествовательной интонацией, будто отражающей живой рассказ, и минимально деловым характером, мало связанным с целью формирования точного и исчерпывающего образа палестинских святых. Это касается, в частности, и описания Кувуклии.

Под тем же самым верхом не покрытым — святой гроб Господень (1), от востока вход иматъ; и вшед в преддверие гроба Господня (2) целуют святой камень, его же Ангел Господень отвали от дверей гроба Господня (2). А то преддверие сделано яко сенцы, из камени белого и мрамором белым внутрь и вне устроено (яко теремиц); и в том преддверии той святой камень противу дверей гроба Господня (2); и над тем камнем висят шестнадцать кандил серебряных с маслом, горят беспрестани, греческих и разных вер. А величеством той святой камень от земли в колено, а другая половина в земли водружена, а в длину три пяди, а в широту полтретей пяди; угловат. А двери гроба Господня (2) четырех пядей великих. То бо есть святая пещера, иссечена в камени, внити ж теми малыми дверцы в тое пещеру; на десной стране есть место яко лавица, засечена в камени из тое ж пещеры; на той бо лавице лежало тело Господа нашего Иисуса Христа; есть бо та святая лавица покрыта цками мраморными в долину четыре лаки, а въ ширину два, а в высоту полдва лаки; та бо суть святая пещера именуется гроб Господень (2), в ней же висят двадцать четыре кандила серебряных великих, с маслом деревянным, горят беспрестани, день и ночь. А покрыта та святая пещера полатным образцом, плоско; а из тое святыя пещеры сделаны в верх четыре оконца и теми оконцы исходит дым от кандил; и над теми четырьми оконцы учинен шатрик востроверх, сделан на столбцах мраморных. А святой гроб Господень (1/2) близ западных стены, а позади тое святыя пещеры гроба Господня (2) Кофти приделали церквичу малу и в ней служат по своей вере [46, с. 8–9].

Прежде всего, нужно отметить, что и текст Ионы отличает подобное тексту Суханова постоянство в употреблении выражения «гроб Господень» ради указания на пещеру погребения, или часовню Гроба (2). Эта однозначность нарушена лишь единожды по отношению

ко всей Кувуклии (1) и единожды допущено неопределенное словопотребление (1/2). Таким образом, подтверждается сделанный выше вывод о возможном завершении к середине XVII в. процесса лексико-семантической детерминации в речевом определении часовни Гроба. Описывая Кувуклию далее, Иона как бы следует известной схеме: указывает ее местоположение, говорит о ее разделенности на три части (придел Ангела, часовню Гроба и коптский придел), сообщает о ее святынях — камне возвещения и Святом ложе, не забыв обозначить их размеры, пересчитывает светильники, характеризует ее внутреннюю отделку, отмечает и наличие кивория над часовней Гроба, но все это — в общих чертах, без подробностей и детализировки, без исторического и актуального контекста, будто экскурсоводчески предопределяя читателю его мысленное движение внутри Кувуклии и то, что там должно открыться его взору. При этом, под стать всем своим предшественникам, Иона эмоционально совершенно спокоен. Может быть, он и испытал благоговейное воодушевление, когда увидел этот мемориал, но в его рассказе о нем нет ни малейшего следа от пережитых им чувств, хотя бы в виде оценочных характеристик. В своем описании он, как и другие русские авторы хождений, преисполнен духовного хладнокровия и воздержанности: погружая своих читателей в небудничную, сакральную сферу бытия, он по-деловому будничен и сосредоточен только на том, чтобы в их воображении, благодаря ему, возникло хоть и приблизительное, но вполне тождественное этой сфере представление; и от благочестивых суждений в данном случае он, в согласии со сложившейся традицией, устраняется, оставляя их на волю тех, в чьих руках окажется его произведение.

Какие же выводы можно сделать из сопоставления разновременных русских рассказов о Кувуклии?

Как выяснилось, все древнерусские паломники, особенно Даниил и Агрефений, своими свидетельствами явили вполне определенный вектор, или аспект, отношения к объектам поклонения в Святой земле. Они обозревали их, в частности, Кувуклию, будто естествоиспытатели-натуралисты. Именно поэтому они тщательно характеризовали видимые факты — то, что можно было охватить взором, пощупать, прокомментировать; их прежде всего влекла предметная суть сакральной реальности и ее параметры пространственного, сущностного, функционального свойства: собственно сам факт нали-

чия объекта или предмета наблюдения, его устройство, окружающая обстановка, местоположение, расстояние, вещная субстанция, форма, цвет, размеры, количество, отдельные детали и, наконец, сопряженная с Евангелием и преданием Церкви историческая подоплека. Никаких эмоций или качественных оценок они при этом не выражали, держась в рамках исключительно деловой констатации.

Между прочим, подобное внимание к миру вещей и стремление дать их наглядное, без абстрагирующего обобщения, словесное описание является уникальной особенностью, отличающей древнерусские хождения от всех прочих литературных памятников Древней Руси, переводных и оригинальных, в которых и окружающая человека предметность с ее отдельными подробностями, и сам человек с его индивидуальными чертами представлены все-таки довольно отвлеченно, посредством не документально или фактографически описательной конкретизации, а конкретизации иного свойства, за счет образной, экспрессивной, ассоциативной, качественной характеристик больше именно сути вещей, нежели их внешности. Думается, отмеченная особенность хождений — целенаправленный интерес к тому, как конкретно выглядят палестинские достопримечательности, в частности Кувуклия, — могла быть обусловлена только одним, а именно их неразрывной связью со Священной историей и ореолом святости, сияющим над ними в благоговейном восприятии паломников. Авторам хождений важно было без лишних слов, так сказать позитивистски, только констатировать факт существования реликвий и дать читателям возможность более или менее наглядно представить их в воображении.

Наконец, важно отметить факт некоего развития словоупотребительной нормы в рамках древнерусской литературы хождений. Так, сопоставление сохранившихся описаний Кувуклии обнаружило, что выражение «гроб Господень», изначально на широком речевом пространстве Средневековья употреблявшееся многозначно, постепенно стало обретать все более конкретный смысл, указывающий, прежде всего, на пещеру погребения, или часовню Гроба. Ввиду этого, таким образом, можно говорить о выработке (скорее всего, стихийной) лексико-семантической специализации данного выражения. Впрочем, это вопрос истории языка и лингвистической науки, требующий отдельного исследования.

Список литературы
Исследования

- 1 *Архипов А.* О происхождении древнерусских хождений // Труды по знаковым системам. Тарту: ТГУ, 1982. Т. XV: Типология культуры. Взаимодействие культур. С. 103–109.
- 2 *Браницкий А.Г., Корнилов А.А.* Религии региона. Н. Новгород: ННГУ имени Н.И. Лобачевского, 2013. 305 с.
- 3 *Грановский А.Н.* Крестовые походы: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. Т. 2: Книга третья. Последние крестовые походы (1202–1270). 288 с.
- 4 *Гуминский В.М.* «Хожение» игумена Даниила и развитие паломнической литературы (Пространство и время) // *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 67–130.
- 5 *Данилов В.В.* О жанровых особенностях древнерусских хождений // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. XVIII. С. 21–37.
- 6 *Житенёв С.Ю.* История русского православного паломничества в X–XVIII веках. М.: Индрик, 2007. 480 с.
- 7 *Конради В.Г.* Книга о святом Франциске. СПб.: Огни, 1912. 241 с.
- 8 *Левшун Л.В.* О слове преображенном и слове преображающем: Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. 896 с.
- 9 *Малето Е.И.* Русские средневековые хождения в отечественной и зарубежной историографии. История и перспективы изучения // Труды Института российской истории РАН. М.: Наука, 2005. № 5. С. 38–63.
- 10 *Мароцци Дж.* Тамерлан: Завоеватель мира / пер. с англ. А.Г. Больных. М.: АСТ [и др.], 2010. 445, [3] с.
- 11 *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 528 с.
- 12 *Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М.: [б. и.], 1970. С. 3–264. (Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 363.)
- 13 *Рансимен С.* Основание Иерусалимского королевства: Главные этапы Первого крестового похода / пер. с англ. Т.М. Шуликовой. М.: Центрполиграф, 2020. 287 с.
- 14 *Седов В.В.* Умножение сходных величин: Монастырь Пантократора в Константинополе // Проект-классика. IX–ММIII. Интернет-издание. 27.01.2004. URL: http://www.projectclassica.ru/v_o/09_2003/09_2003_o_03a.htm (дата обращения: 10.07.2021).
- 15 *Селезнев Н.Н.* Интерпретации происхождения названия «яковиты» у средневековых арабоязычных египетских авторов // Вестник РГГУ: Серия «Востоковедение, африканистика». 2012. Т. 100, № 20. С. 153–168.
- 16 *Успенский Ф.И.* История крестовых походов. СПб.: Евразия, 2000. 384 с.

- 17 Denke A. Konrad Grünemdergs Pilgerreise ins Heilige Land 1486: Untersuchung, Edition und Kommentar // Stuttgarter Historische Forschungen, Vol. 11. Köln: Böhlau Verlag, 2010. 615 S.
- 18 Stavrou T.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1986. 925 p.

Источники

- 19 Артюхова Т.А., Луховицкий Л.В. Досифей // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2007. Т. XVI: Дор — Евангелическая церковь Союза. С. 53.
- 20 Белоброва О.А. Игнатий Смольнянин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (втор. полов. XIV – XVI в.). Ч. 1: А — К. С. 394–395.
- 21 Беляев Л.А. Гроб Господень // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 136–145.
- 22 Беляев Л.А., Лисовой Н.Н. Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII: Григорий Палама — Даниель-Ропс. С. 124–136.
- 23 Восемь греческих описаний св. мест XIV, XV и XVI вв. / издал А.И. Пападопуло-Керамевс с рус. пер. П.В. Безобразова // Православный палестинский сборник. СПб.: Имп. Православное Палестинское о-во, 1903. Т. XIX, вып. 2. XIV, 294 с.
- 24 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. Т. 2: И — О. 807 с.
- 25 Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую землю (Вступительные статьи, публикация текстов, переводы с древнеисландского и латинского, примечания Е.А. Мельниковой) // Восточная и Северная Европа в средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина; отв. секретарь С.Л. Никольский; отв. ред. серии «Древнейшие государства Восточной Европы» Е.А. Мельникова. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 363–436.
- 26 Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634–1637 гг. / под ред. С.О. Долгова // Православный палестинский сборник. СПб., 1891. Т. XI, вып. 3. 10, 102, 1 с.
- 27 Житъе и хоженъе Данила Русьскыя земли игумена: 1106–1108: Текст воспроизведен по древнейш. списку XV в., изд. Православ. Палестин. о-вом: Текст памятника. СПб.: И. Глазунов, 1896. [8], 79, [6] с.
- 28 Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, коммент. д-ра филол. наук Н.И. Прокофьева, канд. филол. наук Л.И. Алексинской. М.: Сов. Россия, 1988. 525 с.
- 29 Иллюстрированная полная библейская энциклопедия / труд и изд. архим. Никифора. М.: [б. и.], 1891. 902 с.

- 30 Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подгот. текста, пер., вступ. ст., коммент. д-ра филол. наук Н.И. Прокофьева. М.: Сов. Россия, 1984. 448 с.
- 31 Краткий рассказ о святых местах иерусалимских и о страстях Господа нашего Иисуса Христа и о других безымянного, написанный в 1253/4 г., изданный в первый раз с предисловием А.И. Пападопуло-Керамевсом и переведённый Г.С. Дестунисом // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Т. XIV, вып. 1. III, 30 с.
- 32 *Лучицкая С.И.* Паломничество // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: Российская энциклопедия, 2003. С. 337–342.
- 33 Материалы для словаря древнерусского языка / Труд И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Т. III: Т — Я. Дополнения. 272 стб., 13 с.
- 34 *Мереминский С. Г.* Итинерарий // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. XXVIII: Исторический музей — Изкуно Амлак. С. 341–355.
- 35 Описание святых мест безымянного конца XIV века, изданное первый раз с предисловием А.И. Пападопуло-Керамевсом и переведенное Г.С. Дестунисом // Православный Палестинский сборник. СПб., 1890. Т. IX, вып. 2. XVI, 31, 1 с.
- 36 *Панченко К.А.* Дорофей I // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI: Дор — Евангелическая церковь союза. С. 30.
- 37 *Прокофьев Н.И.* Хождение Агрефения в Палестину (Текст и археографические примечания) // Литература Древней Руси. М.: МГПИ, 1975. Вып. 1: Сборник трудов / сост. проф. Н.И. Прокофьев. С. 136–151.
- 38 Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653 гг. / под ред. Н.И. Ивановского // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VII, вып. 3. XVII, 390 с.
- 39 *Пучков П.И.* Сирийская Православная (Яковитская) Церковь // Народы и религии мира. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 830.
- 40 Рассказ и путешествие по святым местам Даниила митрополита Ефесского, изданные, переведённые и объясненные Г. Дестунисом // Православный палестинский сборник. СПб., 1884. Т. III, вып. 2. XII, 68 с.
- 41 Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму: 1415–1417 гг. / под ред. архим. Леонида // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. V, вып. 3. III, 6 с.
- 42 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.
- 43 *Тихонравов Н.С.* Первое хождение священноинока Варсонофия ко св. граду Иерусалиму // Сочинения Н.С. Тихонравова. Том первый: Древняя русская литература. М.: М. и С. Сабашниковы, 1898. С. 282–299.
- 44 Три греческие безымянные проскинитария XVI в. / издан с предисл. А.И. Пападопуло-Керамевсом и пер. Г.С. Дестунисом // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XVI, вып. 1. X, 155 с.
- 45 Хождение архимандрита Агрефенья обители Пресвятой Богородицы / под ред. архим. Леонида // Православный Палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XVI, вып. 3. 36 с.

- 46 Хожение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького, 1648–1652 (издаваемые впервые по полному списку) / сообщил наместник Св.-Тр.-Сергиевой лавры архим. Леонид // Памятники древней письменности. СПб., 1882. IV, 27 с.
- 47 Хожение гостя Василия / под ред. архим. Леонида // Православный палестинский сборник. СПб., 1884. Т. II, вып. 3. III, 17 с.
- 48 Хожение Игнатия Смольнянина: 1389–1405 гг. / под ред. С.В. Арсеньева // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. IV, вып. 3. [6], XII, 47 с.
- 49 Хожение купца Василия Познякова по святым местам Востока / под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. VI, вып. 3. XVIII, 106, 2 с.
- 50 Хожение Трифона Коробейникова / под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т. IX, вып. 3. LXXV, 103 с.
- 51 Хожение инока Зосимы: 1419–1422 гг. / ред. и предисл. Х.М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. 1889. Вып. 24 (Т. VIII, вып. 3). XXVI, 38, 2 с.; 8 л. ил.
- 52 Хожение священоинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461–62 гг. / под ред. С.О. Долгова; предисл. Н.С. Тихонравова; предисл. С.О. Долгова // Православный Палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XV, вып. 3. 1–2, I–XXVI, C. XXVII–LXI, 1–25 с.
- 53 Beschreibung der Reise von Konstanz nach Jerusalem. Cod. St. Peter pap. 32 / Konrad Grünenberg, Bodenseegebiet, [ca. 1487]. II, 58 Bl.; 32 x 21,5 cm: zahlr. Ill.
- 54 *Breydenbach B. / Martinus. / Waltherus P.* Peregrinatio in terram sanctam, mit Widmungsvorrede des Autors an Berthold von Henneberg, Erzbischof von Mainz. Holzschnitte von Erhard Reuwich. Mainz, 1486.02.11. 307 S.
- 55 Descriptiones terrae sanctae ex saeculo VIII, IX, XII et XV. Лейпциг, 1874. 540 s.
- 56 Description of the Holy Land by John of Würzburg (A.D. 1160–1170) / trans. by Aubrey Stewart M.A. with notes by Col. Sir C.W. Wilson R.E. London: Palestine Exploration Fund, 1890. XII, 73 p.
- 57 *L.Ph.B., A.K.* Proskynetarion // The Oxford dictionary of Byzantium / Alexander P. Kazhdan, editor-in-chief. New York, Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1739.
- 58 *Rabenstain K.I.* Itineraria // New catholic Encyclopedia: Second Edition. Thomson, Gale, 2003. T. 7: Hol — Jub. P. 675–677.
- 59 Trattato delle piante et immagine de sacri edifizii di Terra Santa: stampate in Roma e di nuovo ristampate dalli stesso autore in piu piccola forma, aggiuntovi la strada dolorosa, et altre figure / diseguate in Ierusalemme secondo le regole della prospettiva et vera misura della lor grandezza dal R.P.F. Bernardino. Florence: Apresso Pietro Cecconcelli, 1620. 164 p.

REFERENCES

- 1 Arkhipov, A. "O proiskhozhdenii drevnerusskikh khozhdenii" ["On the Origin of Old Russian Traveling"]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems], vol. XV: Tipologiya kul'tury. Vzaimodeistvie kul'tur [Typology of Culture.

- Interaction of Cultures]. Tartu, Tartu State University Publ., 1982, pp. 103–109. (In Russian)
- 2 Branitskii, A.G., Kornilov, A.A. *Religii regiona [Religions of Region]*. N. Novgorod, NNGU imeni N. I. Lobachevskogo Publ., 2013. 305 p. (In Russian)
 - 3 Granovskii, A. N. *Krestovye pokhody. V 2-kh t. T. 2: Kniga tret'ia. Poslednie krestovye pokhody (1202–1270) [Crusades: in 2 vols., vol. 2: Book Three. Last Crusades (1202–1270)]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
 - 4 Guminskii, V.M. “‘Khozhenie’ igumena Daniila i razvitie palomnicheskoi literatury (Prostranstvo i vremia)” [“‘Old Russian Traveling’ of Father Superior Daniel and the Development of Pilgrimage Literature (Space and Time)’”]. Guminskii, V. M. *Russkaia literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste [Russian Travel Literature in the World Historical and Cultural Context]*, Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 67–130. (In Russian)
 - 5 Danilov, V.V. “O zhanrovyykh osobennostiakh drevnerusskikh khozhdenii” [On the Genre Features of Old Russian Traveling”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. XVIII. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, pp. 21–37. (In Russian)
 - 6 Zhitenev, S.Iu. *Istoriia russkogo pravoslavnogo palomnichestva v X–XVIII vekakh [History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 11th–18th Centuries]*. Moscow, Indrik Publ., 2007. 480 p. (In Russian)
 - 7 Konradi, V.G. *Kniga o sviatom Frantsiske [Book of St. Francis]*. St. Petersburg, Ognii Publ., 1912. 241 p. (In Russian)
 - 8 Levshun, L.V. *O slove preobrazhennom i slove preobrazhaiushchem: Teoretiko-analiticheskii ocherk istorii vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov [On the Word Transformed and the Word Transforming: a Theoretical and Analytical Sketch of History of the East Slavic Book Word of the 11th–17th Centuries]*. Minsk, Belorusskaia Pravoslavnaia Tserkov' Publ., 2009. 896 p. (In Russian)
 - 9 Maletov, E.I. “Russkie srednevekovye khozhdeniia v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii. Istoriia i perspektivy izucheniia” [“Russian Medieval Traveling in Russian and Foreign Historiography. History and Prospects of Study”]. *Trudy Instituta Rossiiskoi istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]*, no. 5. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 38–63. (In Russian)
 - 10 Marotstsi, Dzh. *Tamerlan: Zavoevatel' mira [Tamerlane: Conqueror of the World]*, trans. from Engl. A.G. Bol'nykh. Moscow, AST [etc.] Publ., 2010. 445, [3] p. (In Russian)
 - 11 Nazarenko A.V. *Drevniia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia) [Old Russia and the Slavs (Historical and Philological Research)]*. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke Publ., 2009. 528 p. (In Russian)
 - 12 Prokof'ev, N. I. “Russkie khozhdeniia XII–XV vv.” [“Russian Traveling of the 12th–15th Centuries”]. *Literatura Drevnei Rusi i XVIII v. [Literature of Old Russia and the 18th Century]*. Moscow, 1970, pp. 3–264. (Scientific Notes of the Lenin Moscow State Pedagogical Institute, no. 363) (In Russian)

- 13 Ransimen, S. *Osnovanie Ierusalimskogo korolevstva: Glavnye etapy Pervogo krestovogo pokhoda*, Perv. s angl. T. M. Shulikovoi [Founding of Jerusalem Kingdom: the Main Stages of the First Crusade, trans. from Engl. by T.M. Shulikov]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2020. 287 p. (In Russian)
- 14 Sedov, V.V. "Umnozhenie skhodnykh velichin: Monastyr' Pantokratora v Konstantinopole" ["Multiplication of Similar Values: Monastery of Pantokrator in Constantinople"]. *Proekt-klassika. IX-MMIII. Internet-izdanie [Project-Classics. IX-MMIII. Internet edition]*. 27.01.2004. Available at: http://www.projectclassica.ru/v_o/09_2003/09_2003_o_03a.htm (Accessed 10 July 2021). (In Russian)
- 15 Seleznev, N.N. "Interpretatsii proiskhozhdeniia nazvaniia 'iakovity' u sredne-vekovykh araboiazychnykh egipetskikh avtorov" ["Interpretations of the Origin of Name 'Yakovite' in Medieval Arabic-speaking Egyptian Authors"]. *Vestnik RGGU: Serii "Vostokovedenie, afrikanistika" [Bulletin of the Russian State University for the Humanities: Series "Oriental Studies," African Studies]*, vol. 100, no. 20, 2012, pp. 153–168. (In Russian)
- 16 Uspenskii, F.I. *Istoriia krestovykh pokhodov [History of the Crusades]*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2000. 384 p. (In Russian)
- 17 Denke, Andrea. "Konrad Grünemdergs Pilgerreise ins Heilige Land 1486: Untersuchung, Edition und Kommentar." *Stuttgarter Historische Forschungen*, Vol. 11. Köln, Böhlau Verlag, 2010. 615 S. (In German)
- 18 Stavrou, Theofanis George, Weisensel, Peter R. *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century*. Columbus, Ohio, Slavica Publishers, 1986. 925 p. (In English)

Информация об авторе: Владимир Михайлович Кириллин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Московская духовная академия РПЦ, 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия; профессор, Сретенская духовная академия РПЦ, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3, 107031 г. Москва, Россия.

E-mail: kvladimirm@mail.ru

Information about the author: Vladimir M. Kirillin, DSc in Philology, Director of Research, 1) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, 2) Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox

Church, 141300 Moscow region, Sergiev Posad, Trinity-Sergius Lavra, Academy; Professor, 3) Sretenskaya Theological Academy of the Russian Orthodox Church, st. Bolshaya Lubyanka, 19, bldg. 3, 107031 Moscow, Russia.

E-mail: kvladimirm@mail.ru

Для цитирования: Кириллин В.М. Гроб Господень глазами древнерусских паломников XII–XVII вв. // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 368–411. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-368-411>

© 2022, В.М. Кириллин

For citation: Kirillin, V.M. “Holy Sepulchre through the Eyes of Old Russian Pilgrims of the 12th–17th Centuries.” *Germe nevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 368–411. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-368-411>

© 2022, Vladimir M. Kirillin